

Похоронное бюро госпожи Эльсо

Автор:

Наталья Мамлеева

Похоронное бюро госпожи Эльсо

Наталья Мамлеева

Любимой дочерью графа быть легко, а вот наследницей Похоронного бюро – не очень. Приходится иметь дело с трупами, могилами и неадекватными родственниками. С последними особенно тяжело. А теперь еще череда случайностей приводит ко мне самого невыносимого мага, которого однажды я отвергла. Но как вновь не угодить в капкан забытых эмоций, избежать эшафота и остаться верной себе? Лучше уж быть дочерью графа!

Фото на обложке взято из <https://www.shutterstock.com/ru/image-photo/dark-queen-beautiful-brunette-woman-gothic-1032289102>

Пролог

Я убила человека!

Так и скажет судья. Нет, он, конечно, использует другое местоимение, но результат будет тем же – меня упекут за решетку и в последующем отправят на эшафот. Если одно загадочное убийство рядом со мной можно принять за случайность, то второе – закономерность.

В дверь настойчиво постучали. Я испуганно огляделась и вернулась взглядом к убитой старушке с приоткрытым ртом и остекленевшими глазами. И кто

додумался подмешать в еду яд? Точно не я! Но кому теперь это докажешь?

Горничная ушла за продуктами, как сказала бедная старушка, и еще не вернулась. Может, у меня есть шанс уйти незаметно? Но куда, если у двери уже поджидают? В окно? Или лучше отсидеться в погребе?

– Яна Ильда, мы из жандармерии! Вы обязаны нам открыть! – настойчиво повторил мужской голос, и в дверь вновь постучались.

Теперь уж точно пора делать ноги. Мешкать нельзя. К черту погреб! Пойдем лесом. Я подбежала к окошку и вспомнила о плаще! Я бы не вернулась, если бы не остаточная энергия от моей ауры. Осторожно подбежав к вешалке, я забрала плащ, накинула его на плечи и рванула к окошку. Раздвинула шторы и оглядела раму под настойчивые требования за дверью. Не хочу за решетку и уж тем более на эшафот! Уверена, мне там совсем-совсем не понравится! На кладбище место не подготовлено, да и кто сможет устроить мне достойную церемонию, если лучшее бюро в городе у меня? Эх, путь только лесом!

– Яна Ильда, нам придется взломать дверь, если вы не откроете! – более настойчиво повторил представитель закона.

Она в любом случае не откроет, придется вам взламывать, господа хорошие. А я пока лесочком, лесочком и домой, на родное кладбище. Причем в качестве живчика, а не трупика. Открутив винтик, держащий форточку, я подняла окно. Высота небольшая, но внизу – колючие кусты роз, а сзади – недовольные полицейские, которые уже готовы были взломать дверь. Все, пора!

Оглянувшись последний раз на мертвую старушку, я перевесила ноги через подоконник и спрыгнула вниз, готовая стать жертвой нескольких колючек. Но неожиданно меня подхватили чьи-то сильные руки и бережно прижали к себе. Взглянув в лицо своего неожиданного спасителя, я на миг затаила дыхание.

– Ты! – выдохнули мы одновременно и нахмурились.

Четырьмя годами ранее

Королевство Эльяна, графство Лоу

Жозель Эльсо

- Папа?!

Я вбежала в кабинет отца. Он читал утреннюю прессу и пил кофе, поэтому не сразу отвлекся на мой возглас. Мой трехлетний брат складывал кубики на мягком ковре – отец любил, чтобы наследник проводил много времени подле него. Няня, сидевшая на диване, стоило мне войти, тут же поднялась и увела Жандаля в детскую, плотно прикрыв за собой дверь. Граф де Лоу свернул газету, сложил руки на груди и исподлобья взглянул на меня.

- Папа?, скажи, что наследник графа де Ляру не будет у меня на именинах!

- Жозель, мы это уже обсуждали, – устало ответил он. – Граф де Ляру – мой хороший друг и наш сосед, между прочим. Его сын – хорошая партия для тебя, а то, что ты всеми силами отрицаешь свою влюбленность, не делает его врагом нашего дома.

- Я не влюблена! – вспыхнув, выдохнула я. – Это все выдумки и досужие домыслы. Мало ли, о чем кумушки судачат! В любом случае, я не хочу сегодня видеть Аэна! Он вновь испортит мне настроение!

- Он портит тебе настроение только по причине своей недостижимости, – с усмешкой отозвался отец, и я, топнув ногой, вылетела из его кабинета.

Можно подумать, Аэн Жанлен, наследник графа де Ляру и студент третьего курса магической академии – завидный жених! Можно подумать, самый красивый парень округи! Никогда в нем ничего особенного не находила – высокий, темноволосый, кареглазый. Да таких, куда не плюнь, по три штуки найдутся! А вот я, умница и красавица, одна такая!

...И почему он этого не замечает?

– Госпожа Эльсо, – обратилась ко мне горничная в коридоре, – ваше платье готово. Прикажете подготовить ванну?

– Прикажу, – отозвалась я и, подняв выше голову, отправилась в комнату.

Моя мама умерла, едва мне исполнилось четырнадцать – при родах брата. Именно поэтому во мне жила немалая обида на Жандаля – все-таки он очень многое отнял у нас с отцом, хотя на отношение к нему домочадцев это никак не повлияло. Он остается любимым наследником отца, поэтому последний всячески заглаживает передо мной вину дорогими подарками.

Вот и сегодня мой наряд представлял собой платье из атласа кораллового цвета – пышное, с рюшами по подолу и на рукавах. С высокой прической и лентами я выглядела настоящей принцессой – благо что графская дочь, а не наследница целого государства. Нарядов, конечно, меньше, но вместе с этим и ответственности тоже.

– Жозель, ты одета? – постучавшись, спросил отец, и служанка открыла перед ним дверь. Отец вошел в комнату и грустно улыбнулся. – Какая красавица! Сказал бы, что похожа на мать, но больше на тещу – сварливая была женщина, но красоты неопикуемой. Ты вся в неё. Увы, но даже характером.

– Папа?! – возмутилась я, и родитель рассмеялся.

– Шучу, моя дорогая, шучу, – отозвался отец и подал мне бархатную коробочку. – Подарок. От матери. Она хотела сама вручить его на твоё семнадцатилетие, но не судьба... Придется мне исполнить её волю.

На глаза едва не навернулись слезы. Я приняла подарок и, раскрыв, увидела прекрасную изумрудную парюру: кулон-капля, тонкий браслет и серьги. Я тут же надела их с помощью горничной. Дотронувшись до тонкой цепочки на шее, я со слезами на глазах прошептала:

– Она прекрасна.

– Нет, дорогая моя, – возразил отец, любясь мной. – Это ты прекрасна.

Возражать не хотелось. Сегодня взгляды всех гостей должны быть направлены в мою сторону и никуда более! Это мой день! И он должен быть самым лучшим! Ради мамы...

Время моего триумфа неминуемо приближалось. Я заглянула через замочную скважину в бальную залу – наряженные гости непринужденно общались, хихикали и обсуждали новоприбывших. Слуги разносили напитки и закуски, а некоторые гости уже столпились возле фуршетного стола. В первых рядах была тучная яна Шонсель – ей даже стул принесли, подобно трону, на котором она восседала и обсуждала роскошность сегодняшнего приема, попутно уминая канапе.

– Кто-то любит подглядывать, – раздалось совсем рядом над ухом, и я резко подняла голову, стукнувшись темечком о мужской подбородок. – Оу! Больно же!

– А нечего подкрадываться! – парировала я, сложив руки на груди.

– И почему твоя голова такая крепкая? – задумчиво спросил Аэн и потрогал мою прическу, будто под ней скрывался секрет. – Благо что красивая, так пустая же внутри!

Я вспыхнула. Вот только подобных «комплиментов» от него и дождешься! «Вашей хорошенькой головке побольше бы мозгов, яна» – насмешливо произносил Аэн. Или его любимое: «Слишком много красоты для такой язвительной особы». Всегда только насмешки и издевки.

– То, что вы замечаете исключительно красоту, вина не моя, – едко отозвалась я, улыбнувшись, – а вашего воспитания и пристрастий, ян Аэн.

– Боюсь, то, что очевидно, сложно не заметить, – дал отпор враг моей жизни, и я натянуто улыбнулась, готовая надавать тумачков нахалу, как в детстве. Тогда мне было это позволено. – Что ж, ваш отец просил проводить вас в зал. Вы готовы?

Маг подал руку, и мне ничего не оставалось, как вложить свою ладонь и повиноваться воле отца. Рука Аэна была теплая и немного шероховатая – он был боевым магом, поэтому в академии часто получал ожоги и ссадины. Но даже этот недостаток был приятен, придавая особенность именно его

прикосновениям.

Лакей, стоявший у входа, распахнул перед нами двери, и мы вошли в зал под легкую музыку, остановившись, чтобы каждый гость имел возможность осмотреть именинницу со всех сторон. Я знаю, что они думали: «Она прекрасна настолько же, насколько и избалована». Это мне постоянно твердил Аэн. Хотелось бы отрицать, но бессмысленно.

Аэн галантно пропустил меня вперед, я сделала изящный книксен, приветствуя гостей, и мы прошли в центр зала.

– Позволишь открыть этот вечер нашим танцем? – спросил маг, я благосклонно кивнула, после чего музыка плавно сменилась, и мы завальсировали.

Танцевать с Аэном было привычно. Мы вместе обучались танцам, растаптывая туфли и ноги друг друга (последнее чаще специально). Рядом с ним я не задумывалась, как и куда двигаться, я просто расслаблялась и позволяла музыке вести меня, управлять моим телом и душой. Шаг вперед, два назад, поворот. Легко и просто.

– Когда ты молчишь, становишься еще прекраснее, – прошептал Аэн, наклонившись, чем вызвал у меня толпу мурашек.

Как же приятно, что он считает меня самой красивой девушкой на свете, но как же грустно, что еще и самой глупой! А ведь я не глупа! Всего лишь излишне избалованна, – да, но вовсе не глупа!

– Когда ты молчишь – тоже, – протянула я, вернув шпильку. – Тогда открываются твои самые лучшие качества и становятся незаметными худшие.

– Ах, Жозель, ты еще даже не осведомлена о моих лучших качествах в силу своего возраста и воспитания, – с жаром ответил маг, и я смутилась, подняв на него растерянный взгляд.

– Надеюсь, ты не подразумеваешь ничего неприличного, иначе мне придется просить батюшку заставить тебя на мне жениться.

– А ты действительно так поступишь? – приподняв бровь, спросил Аэн.

Шаг, поворот. Его руки на моей талии прожигают ткань платья. Или мне это только кажется? Я совсем забылась в его руках, поэтому, вспомнив его вопрос, ответила в последнюю минуту:

– Будь вы последним мужчиной в мире, я бы не вышла за вас замуж.

Музыка неожиданно стихла и слова эхом разнеслись по залу. Гости, приглашенные в графское поместье, застыли и с удивлением взглянули на нас. Как я могла упустить окончание танца?! Не могла выбрать другое время для ответа?! Менее... публичное?

– То есть вы никогда не согласились бы стать моей женой? – уточнил Аэн, нахмурившись.

Почему музыканты не возобновляют игру? Как же я неуютно себя чувствую! Готова сквозь землю провалиться! А это только начало вечера! Зачем он делает предложение руки и сердца публично, к тому же развивая глупую пикировку? Это ведь шутка? Это не может быть искренностью, ведь не было никаких предпосылок!

Я уже видела неодобрительный взгляд отца. Аэн Жанлен, сын графа де Ляру, ничем не уступал мне по положению, и был слишком завидным женихом, чтобы вечером батюшка не устроил мне взбучку. Аэн был не только красив, но еще и умен: окончив третий курс академии, он получил «превосходно» по многим предметам. Наверное, особенно был хорош в злословии. Не зря же столько тренировался на мне.

– А вы бы никогда не предложили, – с улыбкой отозвалась я. – Я лишь хотела сказать, что такой любвеобильный темный маг никогда не станет моим мужем. Придется отгонять назойливых поклонниц.

Гости рассмеялись, чем разрядили обстановку. Ленивые музыканты с удовольствием возобновили игру. Пары становились в круг танцующих. Аэн же, не проронив ни слова, развернулся и направился к отцу. Больше мы с ним на балу не пересекались.

Я заламывала пальцы и кусала губу. Пора прекращать любить Аэна Жанлена!

Стоит признать, что досужие сплетни кумушек иногда оказываются правдой.

Как и ожидалось, по окончании вечера отец устроил мне взбучку, мол, что за представление я устроила и правда ли, что Аэн сделал мне предложение. Пришлось объяснять отцу, что мы лишь шутили и ничего более!

- Ты уверена, Жозель? - серьезно спросил отец.

- Папа?, разумеется! - с жаром воскликнула я. - Разве наши пустые разговоры когда-нибудь носили иной характер?

Отец задумался, кивнул и ушел, а весь следующий день не выходил из комнаты.

Тем вечером я гуляла по саду, обдумывая всю произошедшую с Аэном ситуацию. Как ни посмотри, а получилось в крайней степени отвратительно. Пусть наши отношения никогда не были образцовыми, однако они были своеобразными и согревали меня в самые лютые морозы. Теперь же я чувствовала, как внутри все сжалось в преддверии заморозков.

На лужайке у фонтана я заметила брата. К вечеру вода нагревалась, поэтому Жандалью разрешалось пускать кораблики. Я подошла ближе и тоже запустила ладонь в воду, наблюдая, как поток струится между пальцев. В этот момент отец вышел на крыльцо, все же покинув свой кабинет, и подошел к нам. Он некоторое время любовался сыном, после чего отошел, взял поилки для птиц и присел на корточки напротив меня. Я взглянула на него с удивлением.

- Жозель, смотри, здесь две чаши. Набери в каждую воды, но по-разному. В первую дважды одной ладонью, а во вторую - соединив ладони вместе.

Странная просьба. Пожав плечами, я подчинилась. Попыталась зачерпнуть одной ладонью воду, потом - второй, и вылила ее в поилку. Получилось совсем немного жидкости, толком не набралось.

- А дальше? - поторопил отец.

Я вновь повиновалась. Во второй поилке оказалось значительно больше воды, чем в первой, что логично – соединенными ладонями набирать удобнее и зачерпывается куда больше. Я с любопытством посмотрела на отца – в его словах и действиях виделся потайной смысл.

– Смотри, – взяв в свои ладони мои руки, начал родитель. – Твои руки – это ты и Жандаль. Будете действовать порознь – многого не добьётесь. Но только совместным трудом вам удастся достигнуть результата. Всегда держитесь друг друга. Твой брат станет твоей опорой, просто не бросай его.

Я взглянула на трехлетнего ребенка, лишившего меня материнского тепла, и испытала неожиданный прилив жалости. Я хотя бы знала свою мать, он же с рождения стал сиротой. Кто из нас более несчастен? Взглянув на отца, я уверенно кивнула, и граф улыбнулся.

– Ты хорошая девочка, Жозель. Намного добрее, чем пытаешься казаться, – сказал папа, погладил меня по голове, поднялся и зашел в дом.

Я с тревогой глядела ему вслед.

Следующим днем отец отлучился в столицу – сказал, что на несколько дней. Меня оставили хозяйкой. Я часто подходила к окну и высматривала... нет, не отца, а Аэна. Вдруг он забудет наши разногласия и придет ко мне, чтобы вновь, как раньше, попрактиковаться в остроумии? Пусть даже так, но я готова была терпеть издевки ради его присутствия.

Но Аэна не было, как и отца. Последний задерживался уже несколько дней. Жандаль скучал по нему, но я все еще сторонилась Жана и ничем не могла его поддержать. Сегодня брат набрался наглости и пришел ко мне на ночь. Без предупреждения он забрался под одеяло, свернулся калачиком и зажал старую потрепанную игрушку, доставшуюся ему еще со времен моего детства.

– Жандаль, что ты тут делаешь? – строго спросила я. Мальчик не ответил, сжавшись ещё сильнее. – Иди в свою комнату! Не хватало мне еще тебя в своей постели.

Но попытавшись прогнать брата, я встретила сопротивление. Он схватился ручками за меня и не отпускал, а по пухленьким щекам потекли слезы. И чего он ревет? Отец скоро приедет, я уверена!

- Ладно, оставайся, - сдалась я и перевернулась на другой бок.

Жандаль кулачком сжал ткань моей сорочки на спине, и я напряглась. Не привыкла я общаться с братом. Отец никогда и не требовал от меня уделять внимание младшему. Кулачок постепенно разжался, я расслабилась и перевернулась, приподнявшись на локте, взглянув на малыша.

Совсем кроха. И чем ему этот потрепанный плюшевый мишка так нравится? На глаза навернулись слезы. Не такая уж я и бессердечная. Мне тоже жалко Жандаля, но при этом я скучаю по маме. Если бы она только была рядом, у брата было бы самое счастливое детство, а у меня - юность.

Вместе с грустными мыслями провалилась в сон, но утро наступило раньше, чем ожидалось. С улицы раздавалось ржание лошадей и топот копыт. Отец вернулся? Но он давно пользовался магическими экипажами, не нуждающимися в лошадях.

Я быстро поднялась на ноги, закуталась в теплый халат и подбежала к окну - на подъездной дороге стояли несколько черных экипажей без гербов и знаков отличия, а рядом спешили всадники.

- Жозель? Папа приехал? - проснувшись и протерев глаза, спросил Жандаль.

Моё сердце сжалось. Я не знала, что происходит, но это явно был не отец. Если бы что-то случилось с ним, прикатили бы другие кареты, но не эти. Я подскочила к своей копилке и достала оттуда двенадцать рэх и несколько шэндалей, сложив деньги в карман плаща. Что бы не случилось, а они мне пригодятся. Накинув плащ, я посмотрела на застывшего брата. В ночной рубашке он выглядел еще более беззащитным, чем обычно.

- Жозель? - позвал он меня с глазами, полными слез.

– Жандаль, сейчас ты должен во всем слушаться меня, понял? Не бойся и не плачь. Иди ко мне.

Дверь в комнату открылась и внутрь пробралась старшая горничная – госпожа Фаоль. Она приложила палец к губам и кивнула в сторону коридора. Быстро подхватив брата на руки, я взглянула на комод, где в бархатной коробочке лежала изумрудная парюра. Лишь на мгновение я задумалась над тем, чтобы забрать её, но все же инстинкт самосохранения взял вверх и я бросилась в коридор вслед за горничной.

Госпожа Фаоль служила в нашем доме еще с тех пор, как мой отец был ребенком, поэтому я даже на мгновение не допускала мысль о предательстве. Она вывела нас через лестницу для слуг на задний двор, где была запряжена моя лошадка – Элиста. Бросив мне увесистый мешок, женщина поторопила меня:

– Убегайте, яна Жозель, убегайте и никогда сюда не возвращайтесь! Страшные дела творятся, поистине страшные! Ваш батюшка предупредил меня, что может такое случиться. Вам нужно двигаться к восточной границе, там вас встретит капитан Фаоль, он мой сын, поэтому никто не заподозрит его в причастности к вашему побегу. Давайте, скорее!

В замешательстве я запрыгнула на лошадь, усадила перед собой перепуганного брата и пустила лошадь в галоп. Вдоль леса, по узкой тропинке, в противоположной стороне от имения графа де Ляру. Отсюда меня не должно быть видно. Я подгоняла лошадь, не оглядываясь назад, но зная, что позади меня остается мой родной дом и мой прошлая жизнь.

Я совершенно не понимала, как в наше время может быть совершено подобное злодеяние. Мне хотелось верить, что мой отец вскоре заберет нас, но сейчас главное – добраться до границы. Всего-то два дня пути с остановкой на ночлег – Эльяна небольшое королевство.

Ночь была тихой и спокойной, но не для нас. Я гнала лошадь. Элиста устала, но передохнуть она смогла только следующим днем у водополя, где мы остановились. В разгар теплого периода в Эльяне была комфортная температура воздуха, именно это спасло нас от переохлаждения. Жандаль сидел на траве, подтянув худенькие ножки, и с непониманием глядел на меня. Я совершенно не представляла, как все это объяснить ребенку.

– Где папа?

– Папа? нас обязательно найдет, – пообещала я и подтянула к себе мешок, переданный горничной.

Внутри было несколько шалей, запасные платья и сорочки для меня и Жана, зеркальце с расческой и мешочек со звонкими монетами. А так же две буханки хлеба и сыры. Разломив хлеб, стараясь не упустить ни одной крошки, и сыр, я подала несколько кусочков Жану. Ребенок отвернулся, а после все же взял еду и довольно быстро все съел. Я со вздохом откусила хлеба и продолжила рыться в мешке. В небольшом дополнительном углублении я нашла странную записку, написанную рукой отца.

«Мои дорогая Жозель!

Если ты читаешь это письмо, значит, случилось непоправимое, то, чего я пытался избежать. В этом деле я не мог ни на кого полагаться, но действовал по зову совести – прошу прощения, что подверг вас опасности.

Я не могу рассказать вам всего, ведь эта информация только подвергнет вас большей опасности, поэтому буду краток. На восточной границе вас ждет капитан Фаоль. Он надежный человек и поможет вам. Только торопитесь. Совсем скоро все границы будут обыскивать в поисках вас. Не теряйте не минуты!

Фаоль расскажет вам о дальнейших действиях и отвезет вас в безопасное место. Будь осторожна, Жозель.

Любящий вас отец»

На глаза навернулись слезы. Последняя надежда на то, что отец вернется за нами, таяла на глазах. Что с ним сейчас и в порядке ли он? Кусок хлеба застрял в горле, и я начала судорожно сглатывать. Испуганный Жандаль подскочил ко мне, выронив еду из рук, и обнял меня.

Я понимала, что теперь начнется другая жизнь. Совершенно другая.

– Почему ты плачешь? – спросил Жандаль.

– Ничего, малыш, – отозвалась я и быстро утерла слезы. – Я не плачу. Я улыбаюсь, видишь?

– Я наелся, – вместо ответа сказал Жан и подал мне свои недоеденные кусочки. – Вот, съешь мои.

Неужели он подумал, что мне не хватает? Я дрожащими руками приняла из его рук еду. Казалось, что ничего ценнее мне не дарили. Слабо улыбнувшись, я вновь утерла набежавшие слезы, сложила все в мешок и направилась в лошади. Пора в путь. Я сделаю все, чтобы мой брат не голодал. Сейчас я чувствую ответственность за него перед моими родителями, поэтому просто обязана спасти нас.

Глава 2

Королевство Эльяна

Жозель Эльсо

– Жозель, когда нас уже встретит папа? – спрашивал Жандаль, и мне совершенно нечего было ему ответить.

– Он нас ждет. Просто нам нужно быть терпеливыми и сильными, ты меня понимаешь? Мы ни в коем случае не должны плакать! А еще ты должен слушаться меня во всем, беспрекословно.

Жандаль глядел на меня с непониманием, но всякий раз соглашался и велся себя примерно. Я была рада, что он был избалованным, не смотря на внимание отца. Сейчас с ним было бы труднее, если бы не хорошее воспитание и послушание.

Две ночи мы спали в лесу, буквально по паре часов, поэтому уже через день к утру были на месте. Пограничники находились в восточном приграничном

городе Панья, где кишмя кишели торговцы. Проехав торговую площадь, нам надо было выехать к высоким воротам с той стороны и уже там встретиться с капитаном Фаолем.

Раздумывая обо всем этом, я не понимала, как моя жизнь могла настолько измениться? Как я могла попасть в такую переделку? Еще больше пугала не потеря прошлого, а страх перед будущим. Чем заняться молодой привлекательной девушке, оставшись без крова над головой? Я боялась даже подумать об этом.

Надеюсь, у отца на этот счет был план. О судьбе своего родителя я старалась не думать и питалась лишь слабой надеждой на то, что он жив-здоров и скоро мы встретимся.

Подъездной тракт был заполнен телегами с товарами. Решив оставить тут лошадь, чтобы быть менее приметной, я закинула на плечо сумку, крепко ухватила брата за руку и направилась к тракту. Здесь я сразу заприметила шумный деревенский обоз. Забросив в телегу к другим детям брата, отошла на пару шагов, вклинившись в толпу крестьян, которые несли свежие продукты на продажу.

– Вы не из Лесёнки, – сказала женщина справа, нахмурившись. – Я каждого жителя нашей деревни знаю.

– Да, я из соседней деревни, – ответила я. – Разрешите пройти с вами? Мой брат очень устал.

– Да пожалуйста. К тому же, он милый мальчик, – весело отозвалась незнакомка. – Смотрите, он уже о чем-то переговаривается с моим Тольяном! А из какой вы деревни?

Я попыталась вспомнить окрестные деревни – благо, отец усердствовал над моим обучением, в том числе географическим наукам.

– Из Октольки.

– О, знаем мы тамошних! Не всех, конечно, но люди там хорошие. Ты чья будешь?

– Пришлая. Недавно бабушка Оливия приютила, – надеюсь, что имя было распространенным среди деревенских жителей, наугад ответила я.

Собеседница кивнула.

– Знаю такую. Хорошая баба. В прошлом сезоне медом моих детей угостила.

На этом разговор окончился. Мы подошли к стражам.

– Сегодня проверяют особенно тщательно, – отозвался басом один мужик впереди – плечистый. – Какой тать сбежал, что ли?

На входе городские стражники просматривали продукцию, записывая количество и брали соответствующий налог, а также записывали имена пришедших. В этот момент один из стражей проходил как раз мимо обоза с детьми. Я затаилась. Господи, пожалуйста, пусть он не приметит! А если не получится? Раскрыться тогда и мне или спасти брата позже? Страж подошел к обозу и начал всматриваться в лица детей. Конечно, брата он вряд ли запомнил или вообще знал.

– Это чего он делает? – прошептала женщина слева, и они переглянулись с моей собеседницей. – Чего ему надо?

– Не знаю, но так дело не годится, – отозвалась «правая». – Эй, любезный ян, тебе почем наши дети сдались? Нас проверяй, а детей не пугай наших!

Ему бы ответить, но он не мог – дело секретное, кто ж раскроет, что ищут графских дочь и сына?

– Тебе чего надо? Не слышал, что бабы говорят? отошел от детей! Хоть страж, а на моей стороне закон будет!

Мужик тот самый, с басистым голосом. Рукава рубахи закатаны, силища в руках немереная. Страж и смог бы что ему противопоставить, да и другие мужики с

обозов на него недобро поглядывать начали – за детей все горой готовы были встать. Бросив еще один мимолетный взгляд на детей, страж прошел дальше, искать нас в другом месте. Видимо он решил, что и так потерял тут много времени. Я облегченно вздохнула.

– Татей и правда много развелось, – подтвердила «левая», – нехорошие времена. Вот раньше было лучше.

– Раньше во все времена лучше было, – со знанием дела подтвердила «правая» и больше разговор не продолжился.

Я не могла поверить, что нам все же удалось сбежать. Напряжение все еще буквально сковывало меня. Я неотрывно следила за братом, будто боясь, что кто-то его выкрадет. У меня спросил имя один из стражей.

– Оливия из Октольки, – отозвалась я, и стражник безразлично кивнул.

Видимо, к деревенским тут вопросов не было – с них и взять-то нечего.

Я молча шла рядом с деревенскими до самой площади, с любопытством разглядывая архитектуру незнакомого мне города. Эльянские города отличались готичностью. Часто на зданиях можно было увидеть горгулий, которые считались охранниками домов.

На площади множество торговцев раскладывали шатры и лавки, устилая их своим товаром. Но уже сейчас здесь стоял гомон голосов – давние знакомые обменивались приветствиями, переговариваясь через несколько рядов и перешучиваясь. Атмосфера была спокойной и домашней. Деревенские начали устраиваться с краю площади, выставляя свой товар прямо в корзинах и мешках, без прилавка. Я забрала брата в общей суете и собиралась идти к восточным воротам, вот только узнать бы у кого-нибудь, где они.

Мыслей было много. Что с отцом? Хотелось верить в лучшее, но, сопоставив факты, можно было утверждать, что отец уже в лучшем мире. На этих мыслях я смахнула набежавшие слезы и крепче обняла брата. Не время раскисать, слишком многое поставлено на кон – наше с братом будущее.

И почему я не приняла предложение Аэна? Тогда бы его семья позаботилась обо мне. Дело в том, что замуж разрешено было выходить с шестнадцати лет, но при этом до восемнадцати твой выбор обязан одобрить родитель. Если ты сирота, то имеешь право на защиту со стороны короля – если пожаловаться ему, то он непременно вмешается в дело. А вот с восемнадцати лет тебе предоставляется выбор – либо остаться под защитой родителей до двадцати одного года, либо принять совершеннолетие и, соответственно, иметь право самой выбирать жениха и по этой же причине снимается защита со стороны государства. Сейчас я с одной стороны уязвима, но с другой – защищена.

Вернуться домой и попросить защиты у Аэна? Нет, это неосуществимо. Там поджидают. Уходить надо в другую сторону, намеченную отцом.

– Жозель, я хочу кушать, – прошептал Жандаль, и я перевела на него грустный взгляд.

Торговцы еще не начали продажу, а привлекать внимание сейчас еще не хотелось. Для начала надо по-тихому узнать, кто куда двигается дальше.

– Жандаль, – обратилась я к брату, оставляя его за одной из повозок. – Я обязательно добуду нам еды, подожди немного. Сможешь спокойно посидеть здесь? Я разведу обстановку и попытаюсь выяснить, как пройти к восточным воротам. Ты меня понимаешь?

– Да, – неуверенно ответил брат. – А ты долго?

– Постараюсь вернуться как можно быстрее, – дала обещание и поднялась на ноги.

Здесь, за повозкой, никто не должен был обратить внимание на маленького трехлетнего ребенка. Сняв плащ, я накрыла им брата, и он закутался в него, прикрыв глаза. Еще было раннее утро, и он не выспался.

Отойдя в сторону, я обошла несколько повозок, прислушиваясь к разговорам торговцев. В основном они говорили о том, сколько товара продали и что налоги стали совсем грабительскими, а также о том, что сегодня необычайно много стражников в городе и все они что-то разведывают. Как же тогда мне удастся незаметно пройти к восточным воротам? Меня обязательно поймут! Один из

купцов приметил меня, бросил недоверчивый взгляд и зычно спросил:

- Чего бродишь? Потерялась?

Я вздрогнула, посмотрев на тучного мужчину, который с прищуром глядел на меня. Сейчас привлечет внимание стражников и все...

А с другой стороны, хоть какой-то разговор начала. Мне ведь главное найти попутчиков, чтобы добраться до восточной границы города, а там меня встретят и все будет хорошо.

- Я ищу спутников, - неуверенно ответила я.

- Спутников? - переспросил мужчина, но уточнить я не успела, услышав детский плач и ругань, поэтому бросилась обратно.

- Стой! - окликнул меня мой собеседник. - Куда так побежала?

Я не откликнулась. Я неслась вперед, огибая обозы, пока возле уличного прилавка кондитерской не увидела плачущего Жандаля с красным следом на щеке и лавочника, занесшего над ним руку для очередного удара. Перед ребенком лежал надкусанный пирожок. Я схватила брата, и второй шлепок ладонью пришелся по моей спине - совсем незначительно по сравнению с щекой маленького ребенка.

- А ты еще кто такая? - взревел лавочник. - А ну, отойди!

- Это мой брат! - ответила я, обернувшись. В моих глазах стояли слезы гнева. - Я не позволю вам бить его!

- Твой бра-а-ат? - протянул мужчина. - Так чего он ворует пирожки? За дело получил!

- Я куплю у вас пирожки, не сомневайтесь! - жестко ответила и поднялась на ноги. Нагнувшись, я взяла пирожок и подала одну рэху. - Тут на три хватит.

Хотелось наглубить, очень хотелось! Но манеры, вбитые дотошной гувернанткой, было не искоренить, поэтому вежливость была моей неотъемлемой чертой. С близкими людьми я могла допустить грубость или вольность, но только в силу своего взбалмошного характера, а не воспитания.

– Как скажете, – буркнул растерянный мужчина, забрал монетку, вернул сдачей несколько шэндеев и завернул в салфетку два горячих пирожка. – Забирайте. И уходите!

Грубость лавочника была обусловлена защитной реакцией на мою вежливость. Ему было неловко, он почувствовал свою вину, которая, надеюсь, будет грызть его не один день.

– Благодарю, – с натянутой улыбкой отозвалась я и, подняв на руки брата, всучив ему пирожки, направилась вдоль рядов.

Не успев сделать и двух шагов, я заметила пристальный взгляд того полноватого купца – нашу с лавочником беседу он слышать не мог, лишь видел её издалека. Чем я его так заинтересовала, что он отправился за мной? Впрочем, одно хорошо – пирожки были вкусные и брат сытый. Он за обе щеки уминал горячий пирожок, и теперь о слезах напоминали только две высохшие дорожки на запыленных щеках. Надо бы где-то умыться, а то нехорошо в городе с грязным лицом ходить, ненужное внимание привлекать.

Я несла брата, прячась за шатрами и пытаюсь найти колодец с водой. Купец, который оказался свидетелем нашего разговора с лавочником, уже скрылся за рядами шатров. На площадь стали стекаться первые покупатели – в основном, домработницы, закупающие продукты к обеду и ужину.

При мысли об этом взгрустнулось. Когда теперь у нас с братом будет нормальный ужин? Отец, если он жив, найдет нас, если нет – построим свою жизнь вдали от опасности. Уверена, в этом мире есть хорошие и добрые люди, склонные к состраданию. Стоило подумать об этом, как передо мной буквально вырос недавний визави – пышнотелый купец, пронизывающий меня своим пристальным взглядом.

– А ты смелая, – констатировал он, и я от неожиданности выронила пирожок. – Не бойся меня, я не собираюсь причинять тебе вреда. Этот мальчик твой сын?

Сын? Что ж, я неухоженная, в простом платье, вполне можно допустить, что мне больше двадцати. Я отрицательно мотнула головой, напряженно глядя на купца. Все знали, что это честные и добросовестные люди, иначе дела у них не шли – за свой товар они отвечали головой. В силу особенностей своего ремесла им приходилось много путешествовать, бывать и у драконов в Эльдоре, и в Шэншенских степях орков, и в Вераальских королевствах оборотней, и много где еще. Благодаря этому они знали традиции и обычаи, научились их уважать и находить общий язык с представителями разных народов.

– Мой брат, – ответила я. Жандаль застыл, сжав в руке пирожок и с опаской смотря на купца.

– Брат? – удивленно спросил он. – И что же случилось с вашими родителями?

– Мама умерла при родах, – честно ответила я, – а отец... он пропал.

Мне не хотелось произносить вслух свои предположения о его гибели. Казалось, что если я произнесу эти слова, они облетят полсвета и непременно станут правдой. Такой правды я для себя не желала.

– Значит, вы сироты, – констатировал мужчина. – Идем, напою вас чаем.

Идти с ним было боязно, но и выбора у нас не было – быть может, именно он будет нашим проходным билетом в счастье. Неуверенно кивнув, я опустила брата на землю и попыталась поднять упавший пирожок – его перехватил купец. Оглядевшись, он кинул его бродячим собакам.

– Идемте, – позвал нас купец, и я, взяв за руку брата, направилась следом за ним.

Глава 3

Королевство Эльяна, город Панья

Жозель Эльсо

А шатре было тепло – магические обогреватели, представляющие собой несколько связанных зачарованных колокольчиков, работали исправно. Купец прошел вперед, убрал с низкого столика карты и учетные книги, переложив их в один из сундуков, и выставил на стол восточные сладости и чашки. Окликнув слугу, он попросил набрать в кувшин воды, сам же приглашающим жестом указал на мягкие подушки у стола.

Жандаль уже сейчас готов был сорваться, как только его глаза опознали сладости, я же, наученная горьким опытом последних дней, осторожно ступила вперед, крепко держа брата за руку. Купец, поняв мою настороженность, усмехнулся.

– Проходи-проходи, не бойся. Я не кусаюсь. Чего мне вас есть, когда тут такие угощения? – последний вопрос купец задал, неотрывно смотря на сладости, и подхватил одну из полупрозрачных конфет. – Возьму-ка вот эту. Аппетитно выглядит, правда?

Сладость покинула этот мир и отправилась в рот купца, мы же с Жандалем одновременно сглотнули. Мужчина заметил нашу реакцию, поэтому вновь повторил приглашающий жест. Нам ничего не оставалось, как повиноваться зову желудка и присесть на подушки. Брат неотрывно смотрел на стол, уперев ручки в колени. Кажется, он уже выбирал, что съест первым. Слуга принес кувшин и таз, чтобы мы смогли умыться. Купец же в это время подогрел воду в кувшине – бросил туда пару нагревающих шариков. Не прошло и минуты, как от воды уже шел пар.

– У меня остался только зеленый чай. Вы не против?

Я отрицательно замотала головой, а Жандаль даже не обратил внимания на вопрос, уже потянувшись за конфетами. Я следила за его движениями с опаской, но более останавливать брата не стала – было выше моих сил видеть мучения ребенка. Дома ему было позволено все. Да что там – нам было позволено все. Мне было страшно за наше настоящее, но еще страшнее – за будущее.

Купец разлил чай, и я искренне его поблагодарила, обхватив горячую чашку руками – совсем не как благородная яна, но сейчас мне было не до благородства.

Продрогшие пальцы закололо от тепла. Это моя особенность – руки холодели, когда я сильно волновалась.

– Ну можно уже? – спросил Жандаль, так и не взяв сладость, лишь его рука зависла над коробочкой. Купец рассмеялся.

– Можно-можно, – отозвался он, но брат спрашивал у меня и только после моего кивка взял конфету и тут же запихнул в рот, будто боялся, что у него отберут. – Забавные вы. Вот смотрю и не понимаю – как судьба могла так зло пошутить с вами?

– Нам тоже интересно, – прошептала я. – Спасибо вам за доброту.

– Полно тебе, не стоит благодарностей, – отозвался купец. – Меня зовут ян Можжетон. Я из Кроуля, что в Ужских горах, прямо на границе с Вераальскими королевствами. Так что соседствуем с северными волками-оборотнями. Зимы там суровые, климат не для всех подходит, но если согласитесь – готов взять вас с собой. Плащи дам теплые, чтобы в дороге не замерзли.

– Вы серьезно? – удивленно переспросила я, не сразу поняв предложение яна Можжетона.

– Почему бы я должен шутить? – с усмешкой отозвался купец, уперев руки в скрещенные ноги. – Девочка ты взрослая, помогать по хозяйству сможешь. У нас с женой две дочери, да малы еще для помощи. Ты ей хорошим подспорьем будешь. А брат твой много не съест, ребенок послушный, проблем с ним не будет. Чего смотришь на меня с недоверием? Не привыкла к доброте?

– Бескорыстной – нет, – честно ответила я. – Никто добра не делает просто так.

– Делают, девочка, делают. И зло просто так делают. И добро – тоже. Лучше скажи, как вас звать?

– Жозель, – ответила я. – А моего младшего брата – Жандаль.

– Что ж, тогда будем знакомы, яна Жозель и ян Жандаль, – купец протянул брату руку для пожатия, а тот, растерявшись, выронил конфету и полез её искать.

Можжетон рассмеялся. – Хороший мальчик, хороший. Надо мою Ладушку предупредить о прибытии гостей, чтобы встретила вас как надобно.

– Ян Можжетон, – оборвала я купца, – только вы не так поняли. Нас с братом нужно доехать лишь до восточных ворот – там нас встретит капитан Фаоль. Он хороший папин знакомый и сможет нам помочь.

– До восточных ворот Паньи? – с недоверием переспросил ян Можжетон, сощурившись. – Так это рукой подать. Полчаса ходьбы, не более.

– Я знаю, ян, – прошептала я и повинно опустила голову.

Купец оказался умным мужчиной.

– Это из-за вас столько патрульных на улицах города? Что ж, теперь понятно. А почему вас ищут?

– Мы сбежали, – неохотно ответила я. – В наш дом ввалились неизвестные, а старшая горничная вывела нас через черный ход, отдав сумку с провизией и записку от нашего отца, что нам нужно бежать. Бежать сюда, к капитану Фаолю. А больше нам неизвестно.

– Страшны дела, творящиеся в Эльяне, – нахмурившись, отозвался ян Можжетон. – Нынешний король со своим приближенными совсем казну растратили, да на местное дворянство переключились. Ты, видимо, тоже не низкого происхождения, как я понимаю?

– Мой отец – граф, – отозвалась я и тут же исправилась: – Был им.

– Ладно, до границы довезу, но то будет к вечеру. Сейчас товар у меня. Как твоего отца звали? Постараюсь что-нибудь о нем разузнать. Нынче новости быстро разлетаются благодаря переговорным зеркалам.

– Косэн Эльсо, граф де Лоу, – мгновенно отреагировала я, и купец кивнул.

– Хорошо, – сказал Можжетон и поднялся на ноги. – Пойду, а то товар простаивает. Вы пока отдыхайте, почувствуйте себя, как дома. Обед вам принесут

сюда.

Купец вышел, и в шатре повисла тишина, нарушаемая жеванием конфет. Я посмотрела на брата, тот скосил на меня шаловливый взгляд и ссыпал парочку конфет в карманы. Вымученно улыбнувшись, я потрепала Жандаля по голове и вздохнула. Мне все еще хотелось вернуться домой, но я понимала всю абсурдность этого желания. Там нас ждет только опасность.

На глаза набегали слезы, я казнила себя за свою трусость – но сейчас на кон была поставлена не только моя жизнь, но и благополучие Жандаля. Быть может, отправить брата в дом купца, а самой в Эльяну? Нет, я хорошо запомнила последние слова отца – мы с Жандаем должны быть вместе, ведь именно в этом наша сила.

Вскоре вошел слуга. Спросил, не скучаем ли мы. Назвался Аоном. Порылся в сундуках, нашел для меня книгу, а для Жандаля – красочную головоломку. Книга оказалась на международном – он использовался для общения между бесами, драконами, людьми, оборотнями, гномами, орками и прочими народами, населяющими Шагридад.

Всего у нас существовало пять заселенных материков, омываемых морями. Ледвоин – самый холодный и практически необитаемый – населяли йети. С ними лучше было не пересекаться, вид слаборазумный и плотоядный. Перегрызет человека и не заметит! Ныне контактов с ними не осуществлялось, если не считать научный интерес и последующий побег от них «контактёров».

Самый большой материк был равномерно поделен между несколькими народами: западная часть принадлежала людям, южная, состоящая из степей и пустынь, – оркам, правее материк пересекали Ужские горы – рудники и место жительства гномов, а прямо за ними, восточнее, расположились оборотни. Вераальские королевства были неким ковчегом, отделенным горами от людей, и не зря – оборотни были закрытым народом и неохотно сотрудничали с нами, больше – с гномами и драконами.

Кстати, о последних. У них был свой материк – Эльдор, прекрасный горный край, полный света и тепла. Многие считают, что это рай Шагридада, но все мы слишком мало там бывали, чтобы утверждать наверняка. Севернее от них и восточнее от Вераальских королевств располагался самый маленький материк,

больше похожий на крупный остров, – Асантика, вотчина бесов. Хотя эти прохиндеи жили там, где им было комфортно, и не обязательно на родине.

Вторым крупным материком после нашего была Ламбоджия – живописный край растений и цветов, о сохранности которых заботились эльфы и дриады. Так же в тамошних горах, Лиальских, как называли их ушастые, и Ладских, как называли гномы, жили, собственно, представители горного низкорослого народа. Только те назывались южными гномами, а наши – северными. И меж ними все время было соревнование – кто больше золота и драгоценных камней добудет, кто лучший артефакт сделает, а кто невесту подороже продаст. И это не шутка! Из рассказов отца я точно знаю, что эти два народца вечно хотят продать невест друг другу за самые высокую цену. В общем, скряги еще те!

Книга оказалась увлекательной, хотя я не знала международный в должной степени – практики было маловато. Я посмотрела на брата – интересно, получится ли у меня когда-нибудь обучить его? Он умный мальчик, но без должного образования не добьется многого в жизни. Раньше у него были большие перспективы, а теперь...

Вздыхнув, я отложила книгу и взглянула в зеркало. Волосы были длинные, густые, но мне показалось, что в них скрывается какая-то недобрая энергия. Найдя в одном из сундуков ножницы, я отрезала их по самые плечи. Теперь их длина больше подходила какому-нибудь франту, чем благородной девушке. Но вместе с их тяжестью с моих плеч спал и тяжелый груз – по крайней мере, мне так показалось.

Вернувшись к Жану, я приобняла брата. Нам принесли обед, а после в шатер вернулся Можжетон. Сперва он застыл на пороге, глядя на мои волосы, а после передал два утепленных плаща – один на ребенка, другой – на взрослого человека.

– Вот, возьми. Мало ли, куда вас забросит судьба в будущем, а иметь теплые вещи необходимо. Скоро принесут обед. Мы выдвигаемся вечером, как закончится ярмарка и будет упакован товар.

Купец уже собрался выходить, как обернулся и с грустной улыбкой сказал:

– А волосы жалко!

– Не стоит жалеть, – ответила я, улыбнувшись и потрепав брата по голове. – Вырастут новые!

– Непременно, – согласился купец. – Еще роскошнее и богаче.

Мне искренне хотелось в это верить. Время до вечера пролетело незаметно. Брату головомка вскоре надоела. Пришлось сначала читать ему вслух, а потом развлекать известными мне играми. В любом случае я радовалась, что Жандаль наконец-то расслабился, я больше не видела в его глазах страха. Дети быстрее все забывают, чем взрослые.

Как же мне забыть все произошедшее?

К вечеру зашел купец. Я так и не выходила на улицу, боясь встретить стража, поэтому увидела Можжетона третий раз за день. Я поднялась на ноги, придерживая подаренные нам плащи, и поприветствовала купца.

– Что ж, мы собираемся. Совсем скоро вы увидите со своим знакомым.

Мы с Жандалем переглянулись и осторожно покинули шатер. На улице творилась примерно та же суматоха, что и с утра, только теперь все спешили сложить товар, попрощаться, наговорив много лестных слов, и покинуть гостеприимный город, чтобы отправиться в следующий. На улице уже стемнело, и улицы освещали оранжево-красные магические светильники. Вскоре обоз был собран, нас посадили в повозку. Все купцы покидали торговую площадь, но разделились на два потока – кто-то следовал на запад, кто-то, как мы, на восток.

Вот и покидают чужестранцы город, гостями которого им пришлось стать всего лишь на день. Хороша ли такая жизнь – в путешествиях и в повозках, где каждый новый день за окном ждут новые пейзажи и возвращения в уже знакомые места? Как такие люди чувствуют себя дома – чужаками, странниками, случайно посетившими дом? И сколько таких домов может быть у них разбросано по всему Шагридаду? Ответа, конечно, не было. Каждый выбирает себе жизнь по сердцу, а у кого-то и вовсе нет выбора.

Приближаясь к воротам, я начинала все больше нервничать. Выглянув через небольшую щель, отодвинув грубую ткань крытой повозки, я заметила патруль

на границе, тщательно проверяющий всех купцов. Что же мне делать?

Секунды растянулись на минуты. Когда ткань повозки отдернули, я на мгновение зажмурилась, прижав к себе брата, и только после осторожно открыла глаза. Перед нами стоял страж границы с нашивками на плечах, свидетельствующих о звании. Он несколько секунд смотрел на нас, после чего бросил взгляд в сторону и крикнул:

– Тут чисто! Пусть проезжают!

Я не поверила собственным ушам. Страж вновь повернулся к нам и едва слышно прошептал:

– Я больше ничем не могу помочь.

А после закрыл повозку, и она тронулась. Сердце бешено колотилось, отдаляя меня от моего спасителя. Не так я воображала встречу с капитаном Фаолем! Неужели отец не мог придумать более изощренный план по нашему спасению? Он всегда был беспечен, и, к сожалению, беспечность близких людей часто приводит к печальным последствиям.

Хлынул неожиданный дождь, но в повозке было тепло и сухо. Мы с Жаном укрылись моим плащом и заснули. К тому же сказались две бессонные ночи.

– Жозель, Жандаль.

Тихий шепот выдернул из сладкой дремоты. Я проснулась и огляделась по сторонам – через открытые шторы повозки я увидела благодушное лицо яна Можжетона, а прямо за ним расстилался лес.

– Вставайте. Вам надо позавтракать.

Я спрыгнула с повозки и помогла Жану. Мы расселись вокруг костра, и нам подали две чашки каши и теплый чай. Без лишних слов мы приступили к еде. Буквально вылизав тарелки, мы вернули их одному из наемников, который собирался сполоснуть их в неглубокой речке. Жандаль достал из карманов припасенные конфеты и подал парочку мне, но я отказалась, потрепав ребенка

по голове. К нам подсел ян Можжетон.

- Я уж испугался, когда повозку открыли на границе, - признался купец, - а оно вон как вышло - видимо, это и был ваш знакомый.

- Да, - подтвердила я, - вот только он нас не забрал, как должен был.

- Там все на виду было, он бы лишь подвергнул вас опасности. А может так и лучше? Мое предложение все еще в силе. Подумай, Жозель. Хотя чего тут думать? Мои будут рады тебе. Ладушка может поворчать для приличия, но она отходчивая, добрая.

- Видимо, это лучший вариант. Нет, не так, это благословение богини.

- На том и порешим.

- Как мне вас благодарить?

- Помощью, - мгновенно отозвался купец. - Моей Ладушке подспорье нужно, я тебе уже говорил. Женщина она хорошая, а ежели сердчать будет - не обращай внимания, побуянит и перестанет. Знамо, проходили.

- Спасибо, - сказала я и не ожидала, что брат повторит мои слова.

Ребенок, чтобы он понимал! Но ведь понимает же.

- Хорошие вы, жалко бросать таких. Толк из вас будет. Только жаль, что еще на родину я не собирался. Но это не проблема. Я уже связался со своим другом. Завтра мы будем в торговом городе. Я высажу вас в пригороде, у воздушного порта, там мой знакомый купец из нашей гильдии дирижабль снаряжает. С ним и отправишься в Кроуль, он тебя прямо к дому моему и отвезет.

- Спасибо, ян Можжетон!

Купец лишь улыбнулся.

Умывшись холодной водой, мы с Жандалем обмотались плащами и вернулись в повозку. Наш путь продолжился, но был недолгим – уже следующим утром мы были в воздушном порту.

Здесь было суматошно. Огромное здание, составленное из двух полукругов, имело множество трактиров по сторонам, а с внешних сторон – наемных экипажей. Воздушные маги и прочие сотрудники порта в данный момент возились с дирижаблем, стоящим посередине и привязанным толстыми тросами – по его грузовому трапу внутрь заносили тяжелые товары. Жандаль с открытым ртом разглядывал до этого невиданное им чудо магии.

Я крепко взяла Жандалья за руку, и ян Можжетон отвел нас в сторону, подведя к своему другу. Внешне мужчины оказались похожи – упитанные, с раскосыми глазами и темной кожей. Только этот был старше, заметно старше. Ему было около ста лет, если учитывать продолжительность жизни в сто пятьдесят и делать поправку на то, что заметно стареют люди в последние два десятка.

– О, мой друг! – воскликнул купец и обнял яна Можжетона, похлопав его по спине. – Давно тебя не видел! Рад встрече! Это те дети, о которых ты говорил?

– Да. Жозель и Жандаль, – отозвался ян Можжетон, подтолкнув нас ближе.

– Жозель и Жандаль? – переспросил мужчина, и мы с братом кивнули. – Отлично! Меня зовут ян Паштон. Забирайтесь в дирижабль и займите места. Скоро отлет.

Я обернулась к яну Можжетону. В этот момент показалась нереальной помощь добродушного купца. Неужели в людях бывает столько светлого и доброго? Если последние события в моей жизни готовы были убить во мне все светлое, то именно этот человек вернул мне веру в человечность.

– Счастливо добраться, Жозель. Все будет хорошо. Опасность позади. Можешь убирать этот страх и недоверие из своих прекрасных глаз.

– Спасибо!

– Полно благодарностей, – подняв руки, усмехнулся купец и попрощался с яном Паштоном.

Мы еще некоторое время глядели ему вслед, а после по пассажирскому трапу поднялись в дирижабль. Жандаль сначала пробежался по двум коридорам между трех рядов сидячих мест и только после этого вернулся ко мне. Я тоже никогда не покидала пределы Эльяны, но старалась подавить свой детский восторг.

Дирижабль постепенно заполнялся людьми купца. Когда вошел сам ян Паштон, он внимательно оглядел всех, будто помнил свою команду поименно, и крикнул:

- По коням!

Фраза была неуместна, но её прекрасно поняли все присутствующие – будто это было их напутствие. За окном сотрудники порта отсоединяли все тросы, а воздушные маги готовились к взлету.

- Вот и все, Жан, – прошептала я.

Дирижабль поднялся в воздух. Жандаль припал к окну и больше не сводил с него взгляда, лишь в воздухе, устав от облаков, он откинулся на спинку кресла и огляделся. Окружающие не представляли для него совершенно никакого интереса, тогда он достал оставшуюся записку – одну конфету – и посмотрел на меня. Я погладила его по голове, и он с удовольствием съел оставшееся угощение яна Можжетона.

Воздушные потоки уносили нас все дальше от родного дома и все ближе к новой жизни.

Путешествие заняло всего лишь день – уже к вечеру мы прибыли в воздушный порт близ столицы Кроуля, оттуда мы держали путь в другой город – Кростбуг. Именно там жила семья яна Можжетона и сам ян Паштон. Поэтому, покинув дирижабль, мы пересели в повозки – разгрузка заняла около двух часов. Жан хныкал и хотел спать. Как только уместились в повозки, я тут же накрыла брата плащом и мы заснули.

Кроуль, город Кростбуг

Жозель Эльсо

Проснувшись, первое, что я увидела – огражденное кладбище. Могилы всегда вызывали у меня леденящий ужас, и я совершенно не могла понять некромантов, которые способны работать с трупами. Официально высшая некромантия у нас была запрещена, но я точно знала нескольких некромантов, с которыми отец общался по долгу службы. Все они были замкнутыми и неразговорчивыми людьми, за что их просто невозможно винить – попробуй несколько раз поднять труп... и мир видеть не захочется. Но подобное было строго запрещено, хотя все мы знаем, какие методы используются в департаментах по раскрытию магических преступлений.

Низшей некромантии обучаются в академии магии – недолго, всего три года. Знакомый Аэна с факультета Темных искусств как-то приезжал к нему, когда окончил второй курс. Парень, конечно, поднимать трупы не умел, а вот провожать людей в последний путь – да. Именно он и участвовал в церемониях погребения.

– Мы скоро приедем? – спросил Жандаль, проснувшись, и я кивнула, вновь приподняв ткань повозки.

Мы подъехали к крепостным воротам. Очередь была недолгой и, в общей сложности, у нас ушло полчаса, прежде чем мы въехали в город. Здания были невысокими, белокаменными, но утепленными – вокруг них вились нити заклинания. Город оказался ухоженным, а среди горожан часто встречались гномы и оборотни – у последних вились татуировки клана на тыльных сторонах ладоней. Теперь я действительно осознала, что мы совсем рядом с Ужскими горами.

Остановились мы на шумной улице перед большим домом, на первом этаже которого была булочная. От неё шел восхитительный запах свежей выпечки, и мы с Жандалем одновременно сглотнули. Пора бы перекусить. Выйдя из повозки, я зябко поежилась, плотнее закуталась в плащ и помогла спуститься брату, поставив его перед собой.

– Ну, вот и все, – подходя к нам, сказал ян Паштон. – Вот и приехали. Сейчас хозяйка выйдет, и я перепоручу вас ей.

Долго ждать не пришлось. Из булочной вылетела дородная женщина, на ходу вытирая руки о перекинутое через плечо полотенце. Увидев нашего провожатого, она широко улыбнулась и крепко обняла его.

– Паштон, сколько лун, сколько солнц! Домой возвращаешься? Рада-рада, – начала тараторить она. Из булочной выбежала девочка лет семи с большим бумажным пакетом свежей выпечки и передала его, надо думать, хозяйке булочной и по совместительству жене яна Можжетона. – Вот, это твоей жене и детям. Передавай им низкий мой поклон и пожелания здоровья.

– Благодарю, Ладушка, – отозвался ян Паштон.

– А ты чего, кстати, через нашу улицу поехал? – нахмурившись, спросила женщина. Я сразу же поняла, что ничего-то ян Можжетон жене не рассказал. Специально умолчал, зная её характер? Мне стало неловко. Захотелось развернуться и убежать. – Дела какие в городе были или мой благоверный чего просил передать?

– Просил, – не стал лукавить купец и кивнул в нашу с братом сторону. – Вот их и просил передать.

– Кого? – не сразу поняла Ладушка, глядя будто сквозь нас.

– Да вот, девочку с мальчишкой и просил передать. Говорит, все подробно написал здесь, – ян Паштон передал хозяйке булочной конверт. – Не вскрывал, Ладушка. Так что прочитаешь и все поймешь. А за выпечку спасибо! Моя Милюба всегда говорит, что твои пироги – самые вкусные во всем Кроуле!

– Ой, скажешь тоже, – смутившись, отшутилась женщина и запоздало поняла смысл его слов. – Подожди, Можжетон велел тебе детей ко мне привезти? Ты ничего не напутал?

– Ничего, Ладушка, ничего, – заверил её купец. – А теперь прости, пора нам. Здравия тебе и твоим дочкам.

– И тебе счастливого пути, – растерянно отозвалась женщина и посмотрела на нас.

Купец поспешил к своей карете, мы отошли подальше от дороги, чтобы не мешать движению. Обоз неспешно двинулся, ставя точку в еще одном путешествии. Ладушка всплеснула руками и тяжело вздохнула, после чего позвала нас за собой. Мы прошли вместе с ней через булочную на кухню. Здесь Жандаль оглядывался чаще, чем на улице, – еда с некоторых пор вызывала у него настоящую радость. Рядом с Ладушкой семенила её дочка, с интересом оглядывая нас. Позже мать отослала её на верхний этаж.

– Садитесь, – указав нам на свободный стол, приказала женщина, после чего обратилась к одному из поваров: – Подайте им рыбного супа и свежего хлеба. И чего-нибудь сладкого. Что вы любите?

– Малину, – прошептал неуверенно брат, и я наградила его укоризненным взглядом.

– Жан! Мы должны быть благодарны уже за еду, почему ты просишь большего?

– Он же ребенок, – отмахнувшись, сказала женщина и вновь в сторону: – И малиновый пирог. Помнится, у нас он оставался.

Обед нам подали быстро. Суп был невероятно вкусный, а хлеб еще теплый с поджаристой корочкой. Мне казалось, что это вкуснейшая еда, которую я пробовала за всю свою жизнь. Пока мы ели, Ладушка сидела рядом и читала письмо, не обращая на нас внимания. Отложив лист бумаги, она вздохнула. Помолчав, спросила:

– Что ты умеешь?

– Много чего, – отозвалась я, подумав об образовании, полученном в Эльяне. Вспомнив, что это совсем не бытовые навыки, сникла и исправилась: – Хотя нет. Не так уж много. Практически ничего не умею делать.

– Что же мне с вами делать? – риторически спросила Ладушка. – Няня у меня уже есть. На кухню тебя не пущу. Будешь подавальщицей в булочной? Их все равно

вечно не хватает.

Это не худшее, на что я рассчитывала. Взглянув на брата, я поняла, что нам очень повезло встретить яна Можжетона. Глядишь, я даже смогу заработать достаточную сумму и отправить брата в школу, когда ему исполнится восемь. Пока что об этом думать рано, но все же беспокойство о будущем брата – теперь моя первостепенная задача.

– Я буду стараться! – уверенно ответила я. – Спасибо вам!

– Вот и порешили, – хлопнув в ладоши, сказала Ладушка и поднялась со своего места. – Покушайте, а я пока выберу для вас комнату, где вы сможете разместиться. У вас много вещей?

Я отрицательно покачала головой. Весь наш багаж укладывался в холщовой сумке. Кивнув каким-то своим мыслям, яна удалилась, а я приступила к десерту – рассыпчатому малиновому пирогу.

Позже нам показали нашу комнату – удобную, с двумя кроватями. Жандаль сразу же запрыгнул на одну из них и слегка ударился коленями – кровати были жесткими, без множества перин, как это было принято в доме отца. Улыбнувшись, я села на кровать рядом с ним и обняла брата.

– Всё будет хорошо, Жан, – пообещала я ребенку.

Мальчик провел рукой по моим коротким волосам и спросил:

– Они же отрастут?

– Обязательно! – заверила его я.

Так и началась наша жизнь в доме купчихи и, одновременно, владелицы булочной. Они с яном Можжетоном просто идеальная пара – оба не могли сидеть без дела! Яна Лада была расторопной женщиной, для которой лень была неприемлема, так что работала я много. Жандаль больше играл с младшей дочерью купчихи – Дималой, его ровесницей, но иногда старался помогать мне.

Однажды мне нужно было отвезти на экипаже большой заказ в один из дворянских домов – тяжелые корзины я сначала вынесла ко входу, а потом переносила их в карету. В это время няня Дималы вышла с детьми поиграть на улице, и Жандаль, схватив одну из тяжелых корзин, потащил её ко мне. Я остановилась и с широко распахнутыми глазами смотрела на ребенка, который тащил корзину, едва ли не в два раза превышающую его собственный вес. Из моих глаз непроизвольно потекли слезы, и я бросилась к брату, чтобы забрать у него тяжелый груз. Жандаль пошел за следующим.

Почему этот ребенок заставляет меня чувствовать себя такой жалкой и одновременно такой счастливой?

Готовили повара яна Лады вкусно и порции были большими. Сама жена купца была веселой и справедливой. В играх Жана и Дималы никогда не принимала сторону одного из детей и если наказывала, то сразу обоих. Старшая дочь, Лита, которой исполнилось шесть, готовилась через два года пойти в школу и много занималась. У неё была гувернантка – чопорная женщина под сотню лет, которая вряд ли что понимала в современных науках. По крайней мере, объясняла с трудом. Однажды, когда Лита повторяла некоторые слова на международном, изучая новый для себя язык, я ей немного помогла с запоминанием – рассказала технику ассоциаций, которой меня учила моя гувернантка.

Правда, сама я обучалась с четырех лет из-за всеобщего утверждения, что ребенок в этом возрасте запоминает информацию лучше.

С тех пор, как я помогла Лите, она стала часто бегать ко мне с тем или иным заданием, игнорируя гувернантку. Последняя, пылая злобой и обидой, всякий раз пыталась показать мне моё место и всячески унижала. Однажды это заметила яна Лада.

– Как женщина, способная сквернословить и поносить других, может обучать моих прекрасных дочерей? – сказала она и с этими словами уволила гувернантку, зато присмотрелась ко мне.

Не успел пройти и месяц в доме купца, как я стала гувернанткой его старшей дочери. Лита была в полном восторге, но я быстро поумерила её пыл, начав загружать заданиями. В конце второго месяца, незадолго до приезда яна

Можжетона, девочка призналась:

– А я все равно рада, что меня обучаете вы! Я теперь намного умнее своих подружек!

– Нельзя так говорить, Лита, – строго сказала я. – В чем-то лучшая ты, в чем-то – они. Но каждый человек уникален и многогранен. Тебе будет приятно, если твоя знакомая скажет, что она самая красивая?

Подумав, дочь купца ответила:

– Нет, не будет.

– Вот видишь! И им будет неприятно, если ты скажешь, что самая умная среди своих подруг.

Лита согласилась, и больше таких речей я от неё не слышала. Приезда яна Можжетона я ждала с нетерпением. Ведь он должен был привезти вести из Эльяны! Какие слухи ходят в королевстве о моем отце? Что по этому поводу думает граф де Ляру? И еще множество вопросов, ответы на которые знать было просто необходимо.

Купца встречали всем семейством. Дочери расцеловали его и не отходили целый вечер. Яна Лада тоже крутилась вокруг мужа, все время предлагая ему чая, пирогов или чего покрепче. Он с улыбкой глядел на её неподдельную радость и отрицательно качал головой. В этот вечер ему ничего не было нужно, кроме своей семьи.

А вот следующим днем он смог уделить нам с Жандалем внимание, даже подарки нам привез – мне красивый резной гребешок, а Жандалю – головоломку.

– Спасибо большое! – поблагодарила я купца. – Вы так много для нас сделали!

– Ну полно, – подняв ладони вверх, отозвался мужчина. – Ты для нас делаешь больше. Ладушка рассказала, что манеры Литуши улучшились в разы, не говоря уже о её успеваемости. Ты прекрасно умеешь преподавать.

– Скорее, я лишь передаю те знания, которые еще совсем недавно получила сама, – с лукавой улыбкой ответила я.

– Ты очень добрая девушка, Жозель.

Я вспомнила свои именины – шепот гостей за спиной и общая атмосфера неприязни. Они бы так точно не сказали. Нужно было меня сломать, чтобы я вернулась в прежнее состояние и сбросила маску избалованной вниманием и подарками девчонки.

– И за эти слова спасибо, – отозвалась я и перешла к интересующему меня вопросу: – Ян Можжетон, есть ли новости из Эльяны?

Ответил он не сразу. Уперся рукой в колено, наклонившись ниже. Купец о чем-то размышлял, будто решал, говорить мне или нет. Но я была разумной девушкой, поэтому готова была принять любую правду.

– Был, – наконец, ответил мужчина. – Но ничем порадовать тебя не могу, Жозель. Хорошо, что ты уехала как можно дальше оттуда.

– Расскажите скорее, – подавшись вперед, попросила я. – Я умру от неведения, мне нужно знать правду.

– Твой отец действительно попал в опалу.

С этой мыслью я уже смирилась, хоть все еще не понимала, как такое могло случиться? Я никогда не замечала за отцом противозаконной деятельности. Что же такое он мог сделать или сказать, что с ним обошлись так жестоко, отобрав все средства и даже детей?

– Он... жив? – задала я самый животрепещущий вопрос, и ян Можжетон отрицательно мотнул головой.

– Его убили в пьяной драке, по официальной версии, а тело сбросили в канаву. Но скорее всего, его закололи люди короля. Об этом судачат в трактирах. Все состояние твоего отца и опека над тобой и Жандалем перешла некоему Уляну Шандольфу по указу его величества.

– Понятно, – изо всех сил сдерживая слезы, ответила я. – Значит, виной всему указ короля.

– Да, – ответил ян Можжетон и замолчал, с сочувствием глядя на меня. – Я же вижу слезы в твоих глазах. Почему ты не плачешь?

– Потому что хватит, – сказала я и внимательно посмотрела на купца. – Хватит проливать слезы по прошлому. Со смертью отца за последние месяцы я смирилась – это было в моей голове, а вы только развеяли оставшиеся сомнения и ненужные надежды. Если по чему и стоит лить слезы, то только по настоящему. У меня есть маленький брат и ради него я должна быть сильной.

Купец кивнул, но так ничего и не сказал. Мы посидели пару минут в тишине, а после он поднялся на ноги и вышел из комнаты. Почувствовав головокружение, я легла на кровать и прикрыла глаза. И лишь пара слезинок коснулась моих щек.

Прошлая жизнь легче забывается, когда у тебя нет времени о ней думать. Так и я за прошедшие полтора года совсем забыла, что такое – быть дочерью графа – разве что манеры и знания остались, но и ими я не кичилась, а лишь умело применяла и располагала к себе людей. Сегодня вторая подавальщица в булочной яны Лады заболела, поэтому некому было доставить заказ в похоронное бюро, которое я видела при въезде в Кростбуг. Хозяина звали ян Харош.

– Давайте я отвезу, – предложила я, и жена купца с сомнением посмотрела на меня.

– Не хочется тебя утруждать, моя дорогая. К тому же, скоро проснется Литуша и если не увидит тебя, будет переживать.

– Я быстро, – заверила я. – Туда и обратно! Мне хочется вам помочь. Тем более, пироги нужно успеть доставить к поминкам, иначе ян Харош больше не будет делать у нас заказы. Нам нельзя подрывать авторитет!

– Ты права, – со вздохом согласилась Лада. – Тогда одевайся и выходи. Я сейчас подготовлю корзины.

Кростбуг был вторым по величине городом после столицы. В Кроуле правил тут Васильян Второй. Хитрый и расчетливый, но справедливый. Он всегда знал, как извлечь выгоду, благодаря чему наши земли процветали. Особенно он любил купцов, именно поэтому Кроульская гильдия купцов – самая многочисленная и уважаемая. Дядюшка Можжетон, как я стала его звать по примеру Жандаля, входил в городской совет. Его дом всегда был полон гостей. Пока же он странствовал, тут всем заправляла хозяйственная и бережливая Ладушка – вот тогда можно было отдохнуть в тишине и спокойствии.

Убрав волосы под простую черную шляпку-капор[1 - Капор – женская шляпка с широкими полями только спереди, стянутыми с боков лентами.], я оставила несколько прядей спереди завитушками, надела выходное светлое платье и высокие сапожки, накинула черный плащ и коридором прошла в булочную. Здесь Ладушка уже загрузила фаэтон и подала мне шаровой кристалл для управления. Сев на место кучера, я без особых сложностей вывела экипаж на дорогу и махнула рукой хозяйке.

Управлять фаэтоном меня научил дядюшка еще полгода назад, когда я увидела, как лихо с ним справляется одна из подавальщиц. Отец бы этого не одобрил, у меня были только уроки верховой езды, но это совершенно другое. Лошадей тут не было, лишь увесистый кристалл, который ставился на подставку и управлялся движением пальцев, контролирующими все направления и повороты. Плавность движения зависела от резкости нажатия. Круг по шару безымянным – поворот вправо, указательным – влево, средним – скорость. Сжимаешь кристалл всеми пальцами – останавливаешься. Маг, который все это придумал, настоящий гений!

Я легко преодолела городские ворота и быстро доехала до похоронного бюро, включающее в себя обширное кладбище, дом-контору яна Хароша и несколько построек – склад, столярная, склеп и похоронный зал. Остановившись перед воротами, я положила кристалл в сумку и спрыгнула с экипажа. Отец бы такое поведение не одобрил – только лестницы, только прямая спина. Но мне нравилось иногда чудить и отходить от принятых в обществе норм, особенно когда никто не видит.

На улицу вышел Тошка и подбежал ко мне, поклонившись. Мы шапочно были знакомы – он несколько раз приезжал за заказами сам, когда ему заранее назначала Ладушка. Сегодня было бы так же, если бы не случились непредвиденные обстоятельства.

– Яна Жозель, – благоговейно произнес парень, и я приветливо улыбнулась.

– Доброго утра, – отозвалась я. – Не могли бы вы принять заказ от яны Лады?

– Конечно, конечно, яна Жозель! Не ожидал, что приедете именно вы! Пройдемте?

Тошка проводил к дому-конторе, а сам вернулся, чтобы разгрузить фаэтон. Я постучалась в дверь и принялась ожидать ответа. Вокруг была кладбищенская тишина, нарушаемая клекотом падальщиков. Меня уже не пугали мертвецы, больше страха вызывали живые. В загробных жителях умирает все, в том числе злоба и жажда наживы, а в живых этих качеств хоть отбавляй.

Дверь открыл живой скелет с протезированной рукой. Моргнув, я мотнула головой. Сцена показалась очень знакомой, даже создало ощущение, будто я знаю его имя – Джон.

Глупости! Не могло же мне это присниться? Списав всё на обычную заинтересованность, я невольно разглядывала скелета— такие артефакты, сохраняющие память бывшего владельца, были дорогостоящими и не каждый мог себе их позволить. Здесь одно из двух – либо хозяин Похоронного бюро был некромантом с обширной лицензией, либо его дело приносило хороший доход. Очень хороший доход.

Почем нынче умирать?

– Добрый день! Меня зовут яна Жозель. Я пришла к яну Харошу, мне нужно, чтобы он завизировал продукцию от яны Лады.

– Проходите, леди, – отозвался скелет, и я оглянулась, смерив особенного дворецкого удивленным взглядом.

Что значит «леди»? Надеюсь, это не оскорбление.

– Нет-нет, он не оскорбил вас, – угадал мои мысли незнакомец, и я обернулась, встретившись взглядом с высоким седовласым мужчиной. Ян Харош подошел ближе и протянул мне руку. Хватка у него была стальная, совсем не как у старика, коим он выглядел. – Мы с вами еще не знакомы. Меня зовут ян Харош, я владелец этого бюро. А вы, должно быть, яна Жозель? Внешность весьма примечательна для этих мест. У вас красивые глаза.

Это верно. Большинство местных жителей были узкоглазыми и темнокожими из-за обилия снега – солнечный свет падал на него и отражался, буквально ослепляя. Что-то необычное на фоне остального всегда кажется привлекательным, хотя по факту нас ничем не отличает.

– Спасибо за добрые слова, – отозвалась я. – Посмотрите заказ и поставьте подпись вот здесь.

Я протянула мужчине документ и кровопишущую ручку. Хозяин бюро кивнул, взял бумагу и прислонил её к стене. Небольшой укол верхней части такой ручки и кровь уже сбегала вниз. Поставив роспись, мужчина отдал мне бумагу.

– Проверять будете?

– Я привык доверять людям, особенно яне Ладе, – с улыбкой отозвался ян Харош.

– Тогда всего доброго, – пожелала я и, развернувшись на каблуках, направилась к выходу.

Мельком я заметила богато одетого мужчину, сидящего на скамейке. Что-то в нем было неправильно. Приглядевшись, я поняла, что же меня так смущало. На нем были вещи от известного модельера, даже вензель на кафтане был нашит, вот только он был ненастоящий. Отзеркаленный. Ни один богатый человек не наденет рубашку с пуговицами на рукавах – общество требует исключительно запонки и к этому довольно быстро привыкаешь. Одежда шита исключительно для публики, словно он хотел показать всем свой высокий статус, который является лишь фикцией. Учитывая, что мы находимся в похоронном бюро, это не может быть просто так.

Но все это блекло и меркло по сравнению с тем, что мне казалось, будто мы с ним знакомы и он когда-то обманул меня. Разумеется, этого не могло быть! Вновь мое богатое воображение! Приснится что-то, а я потом проецирую это на реальность. И всё же...

– Ян Харош! – развернувшись, окликнула я мужчину.

– Что-то еще? – спросил хозяин конторы, и я подошла ближе, стрельнув взглядом на подозрительного незнакомца.

– Тот человек приехал сюда ради наследства?

– Нет, что вы! – с улыбкой отозвался ян Харош. – Хотя вероятность того, что обширные земли и титул барона де Конта отойдут именно яну Даришу, велика. Он племянник погибшего, любил его и именно поэтому приехал. Наследства он не желает, так как и своих денег достаточно. Барон не оставил завещания, поэтому разбираться, как правильно разделить имущество, будут адвокаты. Скорее всего, деньги поделят между близкими родственниками, а вот титул и все недвижимое имущество отойдет яну Даришу, как самому умному человеку, способному содержать целое имение и обширные территории, не оставив их в запустении.

– Вот как? – задумчиво перепросила я и наклонилась ниже. – Не верьте его статусу. Даю гарантию, что он вовсе не богат. Конечно, недорогую одежду с поддельным вензелем ему могли продать за большие деньги по незнанию, но все остальное говорит против него. Поверьте, этот человек не тот, за кого себя выдает.

– Очень интересно, – нахмурившись, отозвался ян Харош. – Я подумаю над этим. Джон проводит вас.

Ко мне подошел тот самый скелет. Я сглотнула и нахмурилась. Должно быть, мне просто о нем рассказывал Тошка, а я забыла! Да, все именно так. Я ушла, больше не обернувшись.

Жозель Эльсо

- Лита, держи спину ровнее! - наставительно сказала я, и девочка скривилась.

- Но Жозель, я устала! Можно я немного отдохну, а потом опять выпрямлю спину?

- Нет, - строго ответила я. - Ты не понимаешь самого главного. Твои манеры не должны быть работой, они должны быть частью тебя. Ты не должна задумываться, как правильно ходить, держать спину или говорить - это должно получаться подсознательно, инстинктивно. Только так ты станешь настоящей яной.

- А сейчас я не настоящая?

- Вот до сюда настоящая, - я обозначила уровень по колени. - А остальное пока ненастоящее. Но у нас еще много времени, чтобы все запомнить и впитать.

- Ну раз пока спина не настоящая, можно я похожу вот так?

Девочка сгорбилась, и я улыбнулась.

- Пока она не настоящая - тем более должна быть прямой! Расслабиться сможешь только во время сна.

- Я что-то передумала быть настоящей яной, - со вздохом ответила Литуша.

В комнату забежали Жандаль и Димала, толкаясь и пытаясь друг друга опередить. Я поднялась со стула и разняла детей, так они наперебой стали извещать меня о приходе какого-то гостя. Я ни слова не поняла, но меня спасла яна Лада, которая вскоре вошла в комнату.

- Жозель, тебя там ян Харош просит. Он заказал малиновый пирог, чай на две персоны и сел в булочной. Спустишься к нему?

– Конечно! – отозвалась я, и хозяйка дома вышла, оставив меня с детьми. Я подошла в Литуше и, наклонившись, раскрыла перед ней книгу. – Прочитай вот эту страницу, пока меня нет. Если к тому времени не вернусь, переходи на следующую. Позже расскажешь мне, о чем ты узнала из книги. Хорошо?

– Хорошо, – со вздохом согласился ребенок, и я спустилась в булочную, где легко нашла художавого яна Хароша.

Со дня последней нашей встречи прошло несколько дней, поэтому я была удивлена его внезапному визиту. Посетителей в булочной яны Лады было хоть отбавляй, на всех не хватало мест даже после расширения, многие вовсе заказывали места заранее, по магпочте.

– Доброго дня! – поздоровалась я и присела за столик.

– Угощайтесь, – вместо приветствия сказал хозяин бюро и указал на чай и малиновый пирог. – Готовят здесь чудесно! А мне так редко выпадает минутка посидеть среди живых людей и насладиться едой.

– Я даже не представляю, как вы можете спокойно обедать, когда по вашему дому ходит протезированный скелет. Джон, кажется? – уточнила я и отпила из чашки чай.

– Скоро вы убедитесь, как это легко.

– Не совсем понимаю вас, – нахмурившись, ответила я, и собеседник улыбнулся.

– Помните того мужчину, о котором вы говорили в салоне?

– Ян Дариш, кажется, – подтвердила я.

– У вас отличная память, – похвалил ян Харош и продолжил: – Я требовал с яна Дариша аванс, составляющий большую часть оплаты. Он хотел устроить такие похороны, куда требовалось вложить немало рэх, поэтому мое требование было оправдано. Но не с точки зрения яна Дариша. Он закатил мне такую истерику, назвав бесчестным человеком и гордо удалился. На следующий день пришли родственники барона и кое-как собрали нужную сумму, но это, как вы

понимаете, ясно сказало и о характере яна Дариша, и о его благосостоянии. Из любопытства я решил посетить заседание суда по поводу раздела имущества покойного. Как думаете, досталось ли что-то яну Даришу?

– Вряд ли, – с улыбкой откликнулась я, увлеченная историей.

– Вот зря вы так предубеждены, – с усмешкой отозвался собеседник. – Ему досталась одна вещь – обувная щетка. Видимо, чтобы чистил сапоги и возвращался восвояси.

– Вы говорили, что кроме денежных накоплений, у барона были обширные земли, которым требовался уход и жесткая рука управляющего. Что с ними стало? Кому они достались?

– Не поверите! Их разделили между собой близнецы – двоюродные племянник и племянница покойного, которые только что окончили экономическую академию. Они обещались взять ссуду в банке и восстановить прибыль от земель барона. Главное, все родственники будут им в этом помогать, а не вставлять палки в колеса, ведь судья также постановил, что им всем положен процент с дохода земель.

– Гениально! – воскликнула я, сделав последний глоток ароматного чая. – Получается, и йети сыты, и люди с Ледво?ина сбежали.

– Именно так, яна Жозель! Но, боюсь, ничего бы этого не было, если бы родственники настояли на кандидатуре яна Дариша, как наследника, – он бы продал земли, вот и все. Так что в этом есть и ваша заслуга.

– Лишь наблюдательность, – скромно отозвалась я и поставила пустую чашечку на блюдце. – Полагаю, на этом разговор окончен? Наверху меня ждет ученица, которая без моего надзора не перейдет к чтению второй страницы, уж поверьте.

Ян Харош рассмеялся и кивнул. Поблагодарив его за чай и попрощавшись, я вернулась к Литуше. Как и думала, ко второй странице она не притронулась, аргументировав тем, что банально не успела.

– Да? Видимо, я тебя переоценила, – сказала я, заметив, как смутила ребенка. – Читаем дальше вместе, а потом обсуждаем?

– Да, – согласилась Лита и неожиданно предложила: – Тогда давайте и третью страницу прочитаем! Вот увидите, я быстро прочитаю!

– Правда? – притворно удивилась я. – Тогда очень этого жду!

Девочка кивнула и начала чтение второй страницы. А я задумалась. За последние полтора многое изменилось. У меня больше не было парчовых нарядов, дорогих украшений и прислуги, готовой выполнить любую мою просьбу, но зато у меня появилось кое-что ценное – гармония с собой. Подростковый бунт и обиды остались далеко в прошлом, теперь же я получала удовольствие даже от полюбившегося малинового пирога. Я научилась ценить радость и находить счастье в жизненных мелочах. Именно это и есть самое главное для человека.

Ян Харош, ко всеобщему удивлению, пришел и на второй день, захватив с собой подарок для моего брата – деревянную марионетку. Хотя такие игрушки еще были ему не по возрасту, но подарок я оценила и поблагодарила хозяина похоронного бюро. Этим он не ограничился. Через два дня он вновь навестил меня и пригласил на следующий день побывать в его конторе и пронаблюдать, как оформляются заявки.

– Правда можно? – с нескрываемой радостью уточнила я, и ян Харош кивнул.

С детства была не в силах усмирить свою любознательность!

Одевшись в платье из тафты, я накинула плащ и вышла к брату. Он давно не бывал в городе, поэтому неплохо было бы прогуляться вместе с ним. Ладушка дала мне корзинку с провиантом для яна Хароша, так как считала, что любой визит должен сопровождаться дарами. Таков уж был северный уклад жизни.

– Жозель, а ты купишь мне леденец? – спросил Жандаль, стоило нам выйти из дома.

– Яна Лада сказала, что вы с Дималой уже стащили у неё по карамельной конфете, – отозвалась я, поудобнее перехватив корзину. – Поэтому купим леденцов, но съедите вы их с Дималой только завтра. Хорошо?

– Хорошо, – отозвался брат и подал мне руку.

Улица, на которой мы жили, всегда была многолюдной – здесь в каждом доме была какая-нибудь лавочка, так что наша улица ничем не уступала торговой площади. Тут легко потерять ребенка, особенно ближе к обеду, когда народу становится не продохнуть, поэтому Жана я держала крепко, боясь выпустить его маленькую ручку.

Мы зашли в лавку сладостей и купили два больших разноцветных леденца в бумажной обертке, которые я положила в карман плаща. Остановив проезжающий мимо фаэтон, я усадила на сиденье брата и забралась сама, заранее заплатив кучеру пять шэндеев и приказав ехать к похоронному бюро яна Хароша.

– Туда дороже будет, – отозвался ушлый мужичок. – Еще два шэндея надобно добавить.

– Уже по месту, – ответила я, хотя заранее ожидала требования прибавки к плате – все-таки бюро находилось за городом, значит, расходовалось больше энергии магического кристалла.

– Жозель, – шепотом обратился ко мне Жандаль, и я повернулась к ребенку, вопросительно взглянув на него. – Дималка сказала, когда мы вырастем, мне придется на ней жениться. Это правда?

Мне оставалось только хлопать ресницами. Необычный вопрос! И что на него отвечать?

– А ты сам этого хочешь? – спросила я, и ребенок поморщился.

– Конечно, нет! Зачем она мне нужна? Беззубая!

У Дималы уже начали выпадать молочные зубы – раньше, чем у других детей. Я приснула от смеха и дотронулась пальцем до носика ребенка.

– Тебя никто не заставляет на ней жениться, не думай об этом. Вы еще совсем маленькие, а вот когда вам исполнится по восемнадцать, мы вернемся к этому вопросу. Договорились?

– Договорились, – согласился брат и неожиданно сказал: – А Аэн обещал на тебе жениться?

Неожиданный вопрос брата кольнул прямо в сердце. Как только вспомнил это имя, давно забытое даже мной? Аэн часто бывал у нас, дарил Жану игрушки, но все же брат совсем кроха, чтобы запомнить его. Что творится в голове этого ребенка?

– Ты помнишь его? – тихо спросила я.

– Конечно, – подтвердил Жандаль. – Он подарил мне Дерзкого, помнишь?

Помню! Лошадка-качели, которые они с Аэном называли Дерзким. Как настоящего скакуна. Я улыбнулась при воспоминании об этом, а брат погрустнел.

– Жаль, что он остался дома.

– Теперь здесь наш дом, – тихо сказала я и приподняла лицо брата. – Все осталось в прошлом. Когда-нибудь у тебя будет настоящая лошадь, а не игрушечная.

– Правда?

– Обещаю, – с улыбкой отозвалась я, и Жан повеселел.

Помнила ли я Аэна? Наверное, это одно из самых болезненных воспоминаний. Мне даже страшно подумать о том, если бы он узнал, как я сейчас живу. Я изменилась, мое окружение изменилось, и перед собой мне не стыдно, но вот перед ним – да. Поэтому нам бы лучше никогда не встречаться и никогда не знать друг друга нынешними!

Экипаж остановился перед похоронным бюро. Кучер открыл дверцы, я вышла из фаэтона и протянула руки Жандалю. Доплатив два шэндея извозчику, мы вместе с братом направились к двухэтажному зданию, миновав всегда открытую калитку. Дверь нам открыл Джон.

– Доброго дня, миледи, – поздоровался скелет и наклонился к Жандалю, подав ему руку в белой перчатке для пожатия. – И вас приветствую, маленький милорд.

Жандаль спрятался за моей юбкой, испугавшись скелета. Я улыбнулась и погладила ребенка по голове. Скелет выпрямился – я буквально могла прочесть у него на лице расстройство, но это явно было игрой моего воображения. Дворецкий пропустил нас внутрь дома, я передала ему корзинку с пирогами, и он помог нам раздеться. Жандаль продолжал прятаться.

– Жан, – обратилась я к нему, – тебе не стоит бояться. Джон – «живой мертвец». Это оживленные темным магом скелеты и преобразованные уже магом-артефактиком в хороших слуг или защитников.

– А где его рука? – шепотом спросил Жандаль.

Джон был одноруким скелетом с протезированной второй рукой из сплетения тонких деревянных жил. Он всегда ходил в черном фраке и белых перчатках, словно настоящий дворецкий из плоти и крови.

– Джон, – позвала я «живого мертвеца», – позвольте полюбопытствовать. Как вы разговариваете? Голосовых связок у вас я не наблюдаю.

– Разговаривать мне помогает магический музыкальный инструмент, заключенный здесь, – объяснил Джон и указал на район горла. – Когда я двигаю челюстью, то синтезатор воспроизводит человеческую речь.

– Удивительно! – воскликнула я.

– Согласен, яна Жозель. Позвольте проводить вас в кабинет яна Хароша. Вашему брату же я могу принести восковые мелки в гостиную, чтобы ему было чем развлечься в ваше отсутствие.

– Спасибо, Джон. Жан, ты согласен? – спросила я брата. – Мне нужно поговорить с яном Харошем, хотя совершенно не представляю, о чем. Ты подождешь меня, как хороший взрослый мальчик?

Жандаль с недоверием посмотрел на Джона, но все же кивнул. Отведя брата в гостиную и дождавшись, когда Джон принесет ему мелки и бумагу, я прошла в кабинет хозяина бюро, находившийся на первом этаже. Его кабинет больше напоминал каморку – хоть и уютную, но совершенно крошечную. Места тут было только для книжного шкафа с множеством ящичков, стоявшего слева, и узкого стола с тремя креслами – одним, хозяйским, у окна, и двумя со стороны входа для гостей. Справа висела картина – на ней трое мужчин тянут телегу с гробом, а за ней неспешно идет смерть – высокий мужчина в птичьей маске и с короной из ветвистых рогов. Его темно-зеленый репсовый костюм казался иссиня-черным из-за слабого света в кабинете, но я точно знала его цвет – цвет скорби.

Этого мужчину звали Мортем. Он – воплощение смерти и загробной жизни. Его образом пугали маленьких детишек – мол, будешь себя плохо вести, Мортем придет за тобой раньше времени. Я не придерживалась таких методов воспитания, но часто слышала, как многие горожане говорили подобное своим детям.

– Яна Жозель! – воскликнул ян Харош и поднялся со своего места, поклонившись.

– Доброго дня, уважаемый ян, – отозвалась я и сделала книксен. – Чем обязана быть приглашенной в вашу обитель? Я взяла с собой брата, если вы не против, он сейчас с Джоном в гостиной.

– Только рад этому! Хочется, чтобы и этот милый ребенок приучался к моему делу, – загадочно произнес хозяин бюро.

– Ему только будет четыре! – воскликнула я. – Еще рано к чему бы то ни было приучать.

– Почему же? Отец рассказал, что я унаследую обувную лавку, именно в этом возрасте.

– Вот как? – удивилась я. – Но вы не сапожник.

– Это вы верно подметили. Я гробовщик, – с улыбкой отозвался ян Харош. – По крайней мере, так меня называют в народе. Определение не совсем точное, но простое и понятное.

– Так как получилось, что вы из сапожника стали гробовщиком? – заинтересовано спросила я.

– А как из юной подавальщицы можно стать оракулом? – стрельнув в меня насмешливым взглядом, спросил мужчина, и я удивленно приподняла брови.

– Я не понимаю вас.

– Юное дитя, вы никогда не думали, что обладаете удивительной интуицией? – провокационно сказал ян Харош и уставился на меня в ожидании ответа. Его так и не последовало, поэтому он продолжил: – Наблюдательность – это, конечно, прекрасно, но вы способны видеть гораздо большее. Конечно, ваш дар еще не развит, вы многое не знаете, но, если приложить усилия, у вас все получится.

Его речи были поражающими. Первым делом хотелось вскочить на ноги и убраться из этого бюро подальше, но меня удерживало любопытство. Я очень мало знала об оракулах – они рождаются очень редко, а сильных среди них и вовсе единицы. Подобные им проходят обучение в академии магии, а позже служат на благо королевства. Только редкие исключения занимаются своим делом и используют дар в коммерческих целях.

По сути, дар оракула – это проклятие. Ты можешь видеть будущее, но никак не можешь его изменить. Рассказать, чтобы его изменили – да, но только не сам. К сожалению, часто подобные мероприятия оборачиваются против самого оракула – он не видит картины в целом, только один эпизодически отрывок, который, даже если несет негативный характер, может быть началом чего-то прекрасного. Но если он расскажет кому-то, чтобы изменить будущее, то это может стать началом череды ужасных событий, вплоть до гибели королевства.

История знает пару таких случаев, когда один оракул предотвратил покушение на короля. Его величество щедро вознаградил одаренного и его помощника, но вскоре они были не рады исправленным событиям. Через пару лет король затеял войну, ввергнув все королевство в затяжной голод. Тогда погибло много народу,

а суверенитет того королевства был потерян навеки. Что было бы, если бы тот король погиб? Вполне возможно, эти земли ждало великое процветающее будущее.

- Вы говорите о даре оракула, который нужно развить, - медленно начала я после затяжной паузы, - вы предлагаете мне поступить в академию магии? Это будет стоить очень дорого.

- Вы правы, - отозвался мужчина, - это будет стоить недешево. Если вы хотите, я могу оплатить трехлетнее обучение. Если ваш дар выше среднего - сами сможете продолжить учиться, выиграв грант. Но я сейчас предлагаю вам иное. Вы спрашивали, как я стал из сапожника гробовщиком, - здесь ян Харош сделал знаковую паузу, с хитрой улыбкой посмотрев на меня.

Я застыла, догадываясь об ответе. Конечно, все логично! Точно так же, как и из подавальщицы можно стать оракулом!

- Вы тоже оракул, - потрясенно произнесла я, и ян Харош рассмеялся.

- Нет! - однозначно ответил он. - Я имел в виду не дар, а желание. Всего лишь желание стать тем, кем тебе суждено стать. Я люблю свою работу. Люблю мрачность, но вместе с тем атмосферность. Мне не приходится каждый день улыбаться клиентам, чтобы продать свой товар, как яне Ладе или её мужу-купцу. Я подаю себя таким, какой я есть - нелюдимый, малоразговорчивый. При этом окружающие воспринимают меня как сочувствующего и чуткого человека, потому что в такие переломные моменты родственникам погибшего нужно только одно - тишина и умелая забота, заключающаяся в снятии с них большинства обязанностей. Все это я с легкостью обеспечиваю без ущерба для собственного комфорта.

- Хотите сказать, я такая же? - с усмешкой спросила я. - Вы ничего обо мне не знаете.

- Поэтому и общался с тобой последнюю неделю. Мы похожи больше, чем кажется. Подумай об этом.

- Тут даже думать не о чем, - раздраженно ответила я, хотя обычно не позволяла себе бесконтрольные эмоции. - Вы говорите о странных вещах,

причем мне так и не ясна причина.

- Хочешь знать причину?

- Просто жажду!

- Все мы смертны, - просто ответил мужчина, чем заставил меня почувствовать смущение за свои необдуманные слова и эмоции. - Каждый познакомится с Мортемом. Пусть он и не один из любимых сыновей богини, однако она поручила ему одну из самых сложных работ. Он с ней неплохо справляется, Жозель.

- Вы желаете наследника, - констатировала я. - Моего брата?

- На самом деле, я думал о тебе, - с усмешкой отозвался ян Харош. - Твой дар будет прекрасным дополнением к организаторским навыкам. Ты умеешь практически все, кроме одного - сидеть на месте. Тебе хочется движения, но при этом ты насторожено относишься к людям, придерживаясь только близкого круга общения. Ты легко разговариваешь с незнакомцами, но держишься от них на расстоянии. Ты еще сама не поняла, как идеально подходишь для этой нелегкой работы.

- Какой работы? - недоуменно спросила я.

Если честно, в этом кресле меня удерживало лишь любопытство и больше ничего. Разговор конкретно раздражал и продолжать его не хотелось. Я довольна своей нынешней жизнью, у меня есть все - крыша над головой, еда на завтрак, обед и ужин, Литуша, которая схватывает все на лету. И, конечно, любимый брат, который теперь в полной безопасности.

- Хозяйки похоронного бюро, - прямо ответил мужчина, и я вздрогнула.

Глава 6

Жозель Эльсо

– Позже, конечно, – добавил гробовщик и посмотрел на картину, – когда мужчина в темно-зеленом придет за мной. Пока же я хочу, чтобы ты была моей наследницей. Мой друг, который раньше преподавал в Кроульской академии магии, обучит тебя, если найдет способности к ясновиденью.

– Без лицензии? – приподняв брови, уточнила я. Этот ответ меня одновременно расслабил и взволновал. – Нас с вами накроют при первом же магическом патруле.

– Почему же без лицензии? Ты сможешь получить её, сдав итоговые экзамены в академии магии. Никогда не слышала о таком?

– Слышала, – пришлось признать мне. – Она выдается на весьма узкие специализации...

– ...такие, как ясновиденье, – закончил за меня мужчина, – и при наличии наставника, разумеется. Наставник с высшим образованием и опытом работы в преподавании у тебя будет, как я уже сказал. С тебя лишь только желание! А я читаю его в твоих глазах.

– Приглядитесь внимательнее, – произнесла я и наклонилась ниже, – и жестоко разочаруетесь. Я не собираюсь изменять свою жизнь, ввергнув её в состояние невесомости. Мне хватило одного короткого периода в моей жизни, когда это было так.

– Что же было в твоей жизни, если ты так страшишься перемен? – задумчиво спросил ян Харош и откинулся на спинку кресла. – Что-то определенно было.

– Желая вам поскорее узнать это, быть может, даже со своим другом-ясновидцем. Мне же пора, ян Харош. Скоро занятия у Литуши.

Хозяин бюро мне не ответил, лишь улыбнулся. Я поднялась со своего места и направилась к выходу. Уже у двери до меня донеслось:

– Никогда не бойся делать решительный шаг к чему-то новому. Это может быть счастье всей твоей жизни.

- Или горе, – прошептала я.

- Это знать лишь тебе. Ты ведь ясновидящая. Осталось только выучиться.

- Никто не желает для себя участи оракула, – тихо ответила я, смотря на дверь перед собой и, открыв её, быстро переступила через порог.

- Однако ни у кого эта участь не спрашивает, – донеслись слова хозяина бюро.

Сделав вид, что не услышала их, я спустилась вниз и вошла в гостиную, застав удивительную картину: Жандаль подружился с Джоном и теперь вырисовывал что-то на его костяном лице. Когда я подошла ближе, распознала на скелете свеженькие тонкие усики.

- Жан! – воскликнула я и взяла брата за руку, стащив с дивана. – Как ты мог? О, Джон, прошу прощения!

- Ну что вы, миледи. Мне они очень нравятся, – ответил скелет. – Они делают меня более мужественным.

- Я рада, что это так, – отозвалась я и теперь внимательно взглянула на дворецкого. – Но вы ведь не в состоянии их увидеть.

В «живых мертвецах» все построено на ощущениях – они буквально чувствуют предметы, знают их очертания, даже слышат дверной стук – но все это магическая иллюзия. Увидеть свою внешность или внешность людей они не способны.

- Зато я в состоянии почувствовать, с каким восторгом их рисовал милорд Жандаль, – провозгласил Джон, слегка поклонившись моему брату. – Его эмоции – это лучшее украшение на моем лице.

- Вы слишком добры к детским шалостям, – ответила я и потрепала Жана по голове. – Больше так не делай, хорошо?

- А больше и некому, – разведя руками, ответил брат, и тут из-за поворота выскочил огромный костяной пес, ростом не меньше метра. Еще один «живой

мертвец»?! По-моему, их тут слишком много на один квадратный метр! Жан предвкусно потер руки. – А теперь есть кому!

– Жан! – одернула я брата, и тот поник, но к черному восковому мелку все же потянулся.

Попытку его шалости прервал приход хозяина. Ян Харош потрепал животное по костяной голове и пояснил:

– Атмосферность похоронного бюро должна поддерживаться различными способами. Одно из них – это наличие живых мертвецов.

– Они, должно быть, стоят целое состояние!

– Тшш, – шикнул ян Харош, улыбнувшись. – Это друзья. А им нет цены. Вскоре вы сами в этом убедитесь.

– Кажется, мы пришли к выводу, что наше с вами сотрудничество невозможно. Я не собираюсь часто бывать в вашем доме, чтобы в чем-то убедиться.

– Не будем пока об этом, – ответил ян Харош. – Может, чаю?

– Нет, мы торопимся, – ответила я и направилась вместе с братом к выходу.

Здесь я сняла с вешалки плащи и одела сначала Жана, а потом себя. Попрощавшись с хозяином дома и Джоном, мы вышли из бюро. Отсюда до города было меньше четверти мили, а там уже поймем экипаж и доедем до дома. Зато сэкономим два шэндея!

– Яна Жозель! – подбежал к нам Тошка. – Позвольте подвезти вас? Я сейчас еду к леснику заказать новые доски, и вас могу подбросить до крепостных ворот. А там уже сами знаете, как добраться.

Предложение молодого помощника хозяина бюро было принято, и вскоре мы с Жаном на телеге доехали до городских стен. Поблагодарив парня и распрощавшись с ним, мы вошли в город, миновав городских стражников.

Сунув руку в карман плаща, я обнаружила, что он порван. Точнее, прокусан. Я могла полностью просунуть руку через дыру в ткани. Жандаль нетерпеливо ждал, когда я решу свои проблемы, а они были буквально нерешаемые. В этом кармане лежали деньги, прямо рядом с леденцами. И я, кажется, догадываюсь, какой пес их мог сжевать. Благо что мертвец, а то убила бы!

- Когда мы поедим? - спросил Жан, и я вздохнула.

- Кажется, нам придется идти пешком, - ответила я, расстроившись, и подала брату руку. - Идем?

Не став спорить со мной или жаловаться, Жандаль молча подал руку. Это была длинная прогулка по городу, но именно такие моменты объединяют людей - я была даже благодарна мертвому питомцу яна Хароша. Хоть мы ужасно устали, а под конец пути Жан постоянно жаловался, нам обоим было весело.

Разговор с яном Харошем зародил во мне зерно сомнений. Всю неделю я постоянно думала о даре ясновиденья и перспективе его развития. А что, если попробовать? Да с чего я вообще взяла, что у меня что-то есть. Никаких признаков! Не считать же странные совпадения - признаками? Иногда мне кажется, что какие-то моменты своей жизни я уже видела, но все это - лишь мое воображение.

Но подобные мысли навязчиво лезли мне в голову и не давали спокойно жить.

- Ты в последнее время задумчивая, - как-то сказала Лита, и я удивленно посмотрела на ребенка.

- Литуша, скажи, что такое возможность? - спросила я, и девчушка призадумалась.

- Думаю, это краткий промежуток между тем, когда мама могла вытащить пирог, и тем, когда он уже сгорел.

Я призадумалась. Восемилетний ребенок оказался очень прав. Возможность – это что-то кратковременное. Сегодня она есть, а завтра – уже нет. Именно поэтому люди не разбрасываются возможностями, даже если это может выбить их из привычного течения жизни. Я же отказалась от возможности, которая могла определить моё будущее. Если не попробовать, разве я узнаю, что ждет меня в этом течении? Вернуться в знакомое русло всегда легче, чем спустя время найти место, куда никогда не знал дороги.

– Знаешь, ты права, – торопливо ответила я и поднялась на ноги. – Позанимаешься сегодня сама? Или, знаешь, подумай, какие бы ты возможности хотела иметь в жизни. Все идеи записывай на листок – к концу дня прочитаешь мне и мы вместе обсудим. Хорошо?

– Хорошо, – обрадовалась девочка и тут же отложила блокнот в сторону. – А ты скоро вернешься, Жозель?

– Да, – рассеяно ответила я уже у двери. – Просто нужно кое-что для себя решить.

Я накинула плащ, проверила Жандаля и выскочила из булочной, предупредив Ладушку, куда собираюсь. По пути я купила леденцов для загадочного костяного пса, остановила фаэтон и, заплатив кучеру все семь положенных шэндеев, назвала место назначения. Всю дорогу я мучилась сомнениями и между тем продумывала речь, которую буду говорить яну Харошу. Даже в голове это звучало сбивчиво и нецелостно. Я никак не могла сосредоточиться на одной мысли.

У калитки меня встретил улыбчивый Тошка.

– Доброго дня, яна Жозель! – поздоровался помощник яна Хароша. – Знаете, а вы мне приносите удачу! В прошлый раз, когда вас отвозил, колесо сломалось прямо у нашего бюро!

– А в чем же тут удача? – удивилась я.

– А вы сами подумайте. Я ведь вас довозил до городских стен – это четверть мили. Жилище лесника находится в другой стороне, это мимо нашего бюро мне еще раз проезжать пришлось – еще четверть мили от города до нас. Итого уже

полмили набежало. А если бы я на эти полмили от бюро отъехал и у меня колесо отлетело? Вы представляете, как тяжело было бы тащить телегу обратно? А так аккуратно возле бюро оно отлетело и тащить никуда не пришлось.

- Тошка, - со смешком произнесла я, - мне, конечно, приятно, что мои достижения преувеличиваются, но ты неправильно рассуждаешь. Быть может, колесо бы и не сломалось, если бы ты меня до города не вез.

- А ежели бы не вез и сломалось? - настойчиво повторил молодой человек. - Тогда хуже было бы.

- Но это лишь одна из вероятностей.

- Да, вы правы, яна, - покладисто отозвался Тошка и с улыбкой добавил: - Но ведь намного легче искать положительные стороны исхода в наихудшей из вероятностей, чем быть расстроенным из-за случившегося, сравнивая его с наилучшей из вероятностей?

- Логично, - согласилась я и призадумалась.

Быть может, именно из-за этого все неприятности людей? Их плохое настроение и как его итог - ссоры с родными и близкими. Мы всегда хотим видеть в будущем лишь хорошее, и если какая-то неприятность мешает нам его достичь, клянем все на свете. Но порой именно эта неприятность может спасти нас от настоящего бедствия. Так сказать, отделаться малой кровью. Если бы все люди в Шагридаде были такими же, как Тошка, мир стал бы добрее.

- Пойдемте, провожу вас, - галантно предложил помощник.

Дверь открыл мне усатый Джон. Он поприветствовал меня и сказал, что хозяин давно ждет моего визита. Пока я снимала плащ, выбежал костяной пес. Дабы в этот раз «живой мертвец» не прогрыз мне карман, который пришлось зашивать, я вытащила кулек с леденцами и, развернув их, подала псу. Тот радостно залаял и подбежал ко мне, принявшись разгрызать карамель. Я с интересом следила за преобразованием вещества в магическую энергию на его зубах.

- А ты чем питаешься, Джон? - из любопытства спросила я.

– Прямой магической энергией мага, миледи, – с охотой отозвался скелет. – Раз в год жизнь во мне поддерживает артефактик. Сторож – это боевая форма, ему требуется больше энергии, поэтому маг, создавший его, заложил в него преобразование сахара в энергию. Но ему, как и мне, так же нужно постоянное поддержание от мага.

– Вот как? Довольно интересно.

Дворецкий проводил меня в кабинет яна Хароша. Мужчина сидел со счетами и что-то писал в бумагах. Увидев меня, он поднялся со своего места и радостно улыбнулся, будто еще неделю назад не я ушла, буквально хлопнув дверью его дома.

– Яна Жозель! Какой приятный визит! Может, чаю? В прошлый раз я был так поглощен собственной идеей, что совсем забыл о гостеприимстве! А меж тем ваши пироги были вкуснейшими! Так и передайте Ладушке.

– Передам, – согласно кивнула я. – Но сегодня я без гостинцев, поэтому теперь мы оба обнулили наши очки в гостеприимстве.

– Тогда все же чаю, – с улыбкой сказал мужчина и посмотрел на Джона. Дворецкий понял без слов и молча удалился. – Присаживайтесь, моя дорогая. Нам предстоит долгий разговор, как я понимаю?

– Вы верно понимаете, – смущенно откликнулась я, вздохнув. – Понимаете, я не уверена, что обладаю какими-то способностями, которые вы мне приписываете. И все же я готова встретиться с тем преподавателем, о котором вы мне рассказывали. Мне хочется узнать его мнение.

– Яну Фарду будет отратно это слышать, – ответил ян Харош. – Я немного о тебе рассказал ему, поэтому он заинтересовался. К тому же, он давно хотел себе ученика – старость, дело такое, одинокое.

– Но что от меня требуется? – задала волнующий меня вопрос. – Что вы попросите взамен на своё предложение?

Меня страшил ответ. Он намекал о наследнике, но стать его женой? Ни в коем случае! Во мне нет той меркантильности, что толкает юных дев на подобный шаг. Нужно найти другие выходы, этот же – не для меня.

– Помощь, – серьезно ответил ян Харош. – Люди, приходящие в похоронное бюро, убиты горем. Им нужно что-то, что даст им возможность отпустить умершего родственника.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Капор – женская шляпка с широкими полями только спереди, стянутыми с боков лентами.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mamleeva_natal-ya/pohoronnoe-byuro-gospozhi-el-so

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)